

Александр
ГОСТОМЫСЛОВ

ТАЙНА СЕРЕБРЯНОГО ФРЕГАТА

Глава 14 Аргумент – граната

Усталые ребята не торопились в этот день выходить в море – лежали на палубе фрегата, словно в гамаке, слушали, как плещут волны, как поют островные птицы, как лает, заливаясь в своей загородке среди кустов овчарка Рита. Туда, к будке, на день ее привязывал сторож, – нежились, загорали, никуда не пошли, ни в залив, ни на форт. Поэтому оказались свидетелями неожиданного визита.

– Вон идет Михалыч из уголовки. Смуглый ловкач с черными усами, – показал Олег. – Кому-то сейчас не поздоровится.

Михалыч шел неторопливо, головой не крутил, глазами не ворочал, но, как уверял Олег, успевал все замечать. Шел напрямик к сторожевой вышке.

Сторож увидел его, помахал рукой, спустился вниз.

– Михалыч, я рад видеть старых друзей. Поднимитесь ко мне, выпьете чашку чая? У вас вид усталый.

– Не был я твоим другом никогда, Сиплый Граф. И чаю твоего пить не стану. Как ты провел эту ночь?

– Что-то случилось? Вижу по вашему лицу... Вопрос понял – всю ночь провел на вышке.

– У тебя есть свидетель?

– Овчарка Рита. Ночью спускаю ее с цепи. С ней я провожу время. Она меня сторожит, я за это кормлю ее пшенной кашей с куриными лапками. Недорого и вкусно.

– Значит, остаешься под подозрением – алиби нет. Этой ночью ломанули сейф в обменном пункте Дома быта. Наверное, ты уже знаешь?

– Откуда мне знать, по радио ведь не объявляли. Прежние дружки ко мне уж не ходят, кому охота иметь дело со стариком.

* Окончание. Начало в № 1-2 за 2010 год.

— Как полагаешь, кто смог проделать такой номер?

— Не знаю. Теперь молодые правят бал в городе. Стариков все забыли. На сходки я не хожу. Плохо быть старым, становишься никому не нужным.

Михалыч посмотрел пристально:

— Ни одному твоему слову, Сиплый Граф, верить нельзя. И подписку о невыезде с тебя брать бесполезно. Покажи-ка мне лучше твой сарайчик.

— Пожалуйста, — заторопился сторож. — Всегда рад пригласить к себе хорошего человека. Извините, Михалыч, у меня немного не прибрано...

Сыщик недолго пробыл в сторожке. Предупредил: — Без моего разрешения ни шагу из города, можешь понадобиться. Кстати, у нас в отделении вчера сейф закрыли, а ключ потерялся. Не сможешь открыть?

— Я только по плотницкой части... — замахал сторож руками. — Табуретку сделать, шлюпку починить... А по слесарной плохо соображаю. Попросите кого помастеровитей.

Михалыч многозначительно хмыкнул — и ушел из клуба.

Сторож вытер рукавом пот со лба:

— Надо же, как напугал старика, — и потихоньку поднялся на второй этаж в стеклянный купол.

Прикрывшись от палящего солнца, чтобы не сторега спина, Олег уснул как убитый на палубе фрегата. Юлия дремала рядом с ним в тени пляжного зонтика. Глеб, переворачиваясь с боку на бок, стал посматривать на сторожа. А тот словно прочитал мысли Глеба. Спустился с вышки, пришел на пирс, попросил:

— Все равно тебе не спится. Сядь в тузик, переплыви сюда, потолкуем, а то ты мне своими глазами всю голову просверлил.

Смущенный Глеб перебрался с фрегата на пирс. Они сели на край, свесив ноги, словно душевные приятели.

— В городе говорят, что вы с Олегом спасли дом контр-адмирала от пожара, настоящие герои. Неужели вам не было страшно? Я бы на вашем месте бежал от огня, не оглядываясь.

Глеб сначала вообще не хотел ничего расска-

зывать. Потом подумал — что же тут секретного? Только про рисунок не стоит упоминать. К тому же Сиплый Граф умел разговорить любого человека, развязать ему язык — потихоньку, слово за словом, Глеб и сам не понял отчего — рассказал липучему старику, как было дело, про неизвестного поджигателя, которого они не видели, а только слышали, про связанного бомжа Гену.

Выслушав Глеба, старик взбодрился:

— Теперь я могу быть спокоен за наше будущее — неплохая молодежь приходит нам, старикам, на смену. Сейчас, если не возражаешь, схожу в магазин, куплю вам шоколадные медали за храбрость. Да себе еду, ведь некому обо мне позаботиться — один живу, сам себе готовлю и подаю на стол. Будь добр — последи пока за яхтами...

Шаркая ногами, сторож ушел за ворота.

Глеб решил воспользоваться его отсутствием — забрался на второй этаж вышки. Повернул голову так, как это делал старик. Посмотрел — что видно при этом. Потом спустился вниз и обошел эту территорию. Как ни старался, но ничего найти не удалось. А может, ничего и не было?

Сиплый Граф отсутствовал больше часа, Глеб уже начал беспокоиться. Зато принес полную сумку продуктов:

— Извини, Глеб, за задержку, пришлось пробежаться по магазинам. Лето, все расхватывают, трудно найти что хочется. Вот вам три шоколадные медали, как обещал. А продукты пойдут положу в сарайчике в холодильник, мне их на неделю хватит. — И утопал в свой металлический сарайчик, сделанный, как у всех, — из стального контейнера. Вид же при этом имел самый скрюченный, старческий, но в глазах плясали искры радости — словно выиграл по лотерее автомобиль «Ниву».

«Что-то тут не так, — недоумевал Глеб, глядя на солнце, покатившееся к закату. — Отхватил Сиплый Граф в магазине ломоть колбасы, а радости полная сумка. И почему так долго пропал, ведь продуктовый магазин находится сразу за воротами клуба?»

На следующий день Олег вышел из дома самый первый, спозаранок, чтобы подготовить фрегат к плаванию. Глеб и Юлия обеща-

ли подойти после небольшой экспедиции по магазинам.

На автобусе Олег благополучно доехал до кольца. Пока покачивался на мягком сиденье — снова задремал. Когда же поднялся, чтобы вместе со всеми выйти на кольцо из автобуса, то сон мигом пропал, от неожиданности парнишка даже замер на месте — к воротам яхт-клуба подошла экстравагантная дама в белой панаме, надвинутой на глаза, с газовым платочком на шее, шелковой блузке и бежевых брючках в обlipочку. Олег узнал лебединую походку — это же Вероника, буфетчица из дома офицеров. Почему она так вырядилась, словно не хочет, чтобы ее узнали?

Входя в ворота, Вероника как бы случайно оглянулась. Олег проследил за ее взглядом — еще один гость спешит — господин Скорохват, прилеил на зверскую рожу прогулочную улыбку и тащит тяжелую спортивную сумку. Следом за Вероникой скользнул в ворота яхт-клуба.

Сегодня четверг, в рабочее время в клубе народу еще нет, посоветоваться не с кем. Придется действовать в одиночку. Разумеется, подслушивать и подглядывать неприлично, но когда имеешь дело с темными личностями, невольно приходится нарушать правила поведения.

Сначала Олег посмотрел в щелку между воротами и домом и ахнул — среди кустов около будки сидела овчарка Рита и наблюдала за сторожем, который выкопал из земли дорожную сумку из желтой кожи с белой полосой. Разровнял землю. Кинул лопату в кусты и неторопливо направился к своему сарайчику.

Олег выждал немного, проскользнул в ворота. Неслышно ступая по траве, перебежал к забору. Металлическая дверь в сарайчике сторожа распахнута. Из нее можно увидеть любого, кто попытается подойти близко. Но Олег вырос в клубе и знает здесь все бугорки, ямки, деревца, дырки в заборе, все лазейки. Не спеша втиснулся между сарайчиком и забором, там тесновато, пространство заросло ивняком, но продрасться можно.

Иллюминатор сарайчика со скрипом открылся, металлический контейнер нагрелся, и сидеть в нем стало душно. Олег набрался смелости и заглянул.

В сарайчике сидели трое заговорщиков, сторож Сиплый Граф, его приятель Скорохват и Вероника. На полу валяется расстегнутая до-

рожная сумка из желтой кожи с белой полосой. А на столе, покрытом старой клеенкой, грудой лежат толстые пачки денег в банковских упаковках. Пачки отливают зеленым цветом — доллары! Много пачек. А на этой груде — серебряный фрегат «Штандарт».

Сиплый Граф, надувшись и приняв важный вид, потирал руки, глаза его сияли, когда он смотрел на сокровище:

— Старый плотник умеет ценить красоту парусника!

Скорохват, похоже, нервничал, длинной рукой придвинул к себе сумку с бутылками пива, поставил перед каждым по бутылке. Свою тут же открыл и сделал несколько жадных глотков.

— Вот и все! — облегченно вздохнул Сиплый Граф. — Хорошо сработали, за одну ночь денежки взяли, да к нему еще и кораблик прибавили. Для нас со Скорохватом это редкая удача. Давно мы ее ждали.

Скорохват открыл очередную бутылку пива и сразу присосался к горлышку, показывая, что хватать перед этой особой не намерен.

— Неплохая ночь, — кивнула точеной головкой Вероника, — сразу целое состояние.

— Кто-то работал, старался, — окрысился на нее Скорохват, — а кто-то всю ночь нежился в постельке. Я хочу тебя предостеречь, Граф, Вероника — особа опасная. Вряд ли на нее можно положиться.

— Вероника надежная, — не согласился плотник. — Она долго ждала момент, когда сможет помочь нам.

— Да? — возмутился Скорохват. — Может, это она вечером забралась на крышу Дома быта и лежала там до ночи, пока все не ушли? Может, она спустилась вниз, притаилась за гардиной и одним ударом кулака в челюсть отправила сторожа в нокаут, так что он не успел нажать на тревожную кнопку, которую носил с собой в кармане? Может, она взломала сейф и выгребла доллары? Может, это она спускалась со второго этажа по веревке? Это мы с тобой все обтупали, и денег тут только на двоих.

— Легко тебе нападать на беззащитную девушку, — рассердилась Вероника. — А кто первый из нас узнал о сейфе, набитом долларами, в обменном пункте Дома быта? Кто с риском для себя высмотрел люк на крышу в Доме бы-

та? Кто пришел сюда и рассказал свой план? Самое трудное пришлось сделать мне. Вы пришли на готовенькое. Вам оставалось только сунуть доллары в сумку и не торопясь прогуляться по ночному городу.

Плотник взял Веронику за руку:

— Когда нужно подать идею — тебе цены нет. За этими долларами велась настоящая охота. Я знаю, есть и другие желающие поиграть с американской зеленой. Но с твоей помощью мы всех опередили.

— Медали мне не надо, — смиловилась Вероника. — Я согласна на лишнюю пачку долларов.

— Ко мне заглянул Михалыч из уголовного розыска. Спрашивал меня, кто ограбил обменный пункт? Я поклялся — если узнаю, сразу прибежу к нему и расскажу. Михалыч ушел ни с чем. Но трое шалопаев с фрегата не пошли в плавание, специально остались и следили за мной.

— Эти мальчишки, что они тут делали? — воскликнул Скорохват. — Шпионили за тобой? Тоже, шантрапа, совсем зеленые, а туда же...

— Я зарыл доллары ночью около будки собаки. А овчарка днем стала их выкапывать. Я следил, не вытащит ли она сумку наружу, не станет ли трепать пачки?

Лицо Вероники исказилось от страха так, что она стала похожа на злую старую ведьму:

— Мальчишки видели сумку с долларами? Эти негодяи очень опасны! Уголовный розыск вас схватит сегодня же.

— Ты заметил, Граф, — оскалил зубы Скорохват. — Твоя подруга говорит, что схватят нас, а она, естественно, останется в стороне. Опасная особа!

— Не придирайся к словам, Скорохват, — ответил плотник. — А ты, Вероника, не паникуй — мальчишки сумку не заметили. Я наблюдал за ними.

— Так можешь ты мне толком рассказать, что тут вчера было? Или у тебя от пива крыша поехала? — продолжала кричать Вероника, а лицо ее продолжало наливаться краской от злости и ужаса.

Плотник погладил Веронику по руке.

— Ты вправе узнать все подробности, я не делаю из этого секрета. Даже наоборот, тут есть чем гордиться. Когда Михалыч ушел, я заметил:

Глеб не сводит с меня глаз. Я пошел к нему, пригласил на пристань. Мы уселись рядышком, как милые дружки. Я, конечно, слышал о пожаре в доме контр-адмирала. Но хотел узнать подробности — не мог понять, куда исчез серебряный фрегат? Бог свидетель, если адмирал настоящий, ему лучше не играть в модельки, а заниматься настоящими боевыми кораблями.

Сторож отхлебнул пива, выдержал многозначительную паузу.

— Ну, а откуда там мальчишки взялись? — не выдержала Вероника.

— Пришли из парка. Я сильно разочаровался в своем любимце Олеге Некраше. Значит, сильно разложилась наша милиция изнутри, если сын лучшего в городе следователя, юноша нежного возраста, способен ночью забраться в дом адмирала.

— Эта мелюзга, — оторвался от бутылки Скорохват, — одна ночью шастает по городу, и куда смотрит милиция?

— Глеб изображает из себя детектива, — продолжал сторож, — а по сути — суший младенец. Не умеет анализировать информацию. Не способен понять, что если он думает, как схватить жулика, то я, совсем наоборот, постоянно думаю, как достать денег. Он мне рассказал, как тушили пожар, спасли дом командира базы. И походя сообщил, что заодно спасли мальчишку — бомжа Гену. Вы знаете его, вечно ходит грязный, собирает по помойкам бутылки и объедки. Я сразу подумал, откуда там взялся маленький прохиндей? Зачем полез в дом адмирала? Не он ли оказался таким ловкачом, что стибрил серебряный кораблик?

Скорохват сердито плюнул в открытую дверь:

— Эта мелюзга так и вертится под ногами, никуда от нее не деться, от такого можно ожидать чего угодно. Кем они могут вырасти? Если с детства такие прохиндеи. Как же кораблик попал к нам?

Сторож взял бутылку с пивом, посмотрел на свет, проверяя качество, и не стал пить, поставил обратно на стол, до того был возмущен:

— Первым делом следовало проверить пройдоху Гену Бобракова. Если он не сгорел в пожаре, а сумел улизнуть, то следовало поиск начать с него. Я оставил свою вышку и яхты на попечение святого морского Николы. Сразу

сел на автобус и приехал в парк, прошел на берег. Смотрю — навстречу с катера идет ко мне Гена с пакетом. Одет во все чистое, самое лучшее, что нашлось из тряпья, как на праздник. Я сразу заподозрил неладное. — Куда идешь, — спрашиваю? — Не хочешь ли холоденького пивка? — И что вы думаете? Оказалось, он собрался к этой самой мадам Шонвик вручить от имени бомжей города сохраненный им при пожаре серебряный кораблик. Я успел в самый нужный момент.

Вероника сделала испуганное лицо:

— Тебе пришлось с ним драться? Этот негодяй опасен.

— Я ему сказал — иди, она живет в гостинице, около ее номера дежурит мент с автоматом на плече. Тебя как раз схватят и запрут в спецшколу. Станешь там ходить строем в столовую, а по ночам в спальне станут избивать те, кто здоровее, чтобы ты в обед отдал им сахар.

Скорохват выкинул из сарайчика пустую бутылку:

— Ты нарисовал реальную перспективу. Он испугался?

— Я расписал как мог — вся милиция Кронштадта охотится за корабликом. Поймают, схватят, только дойдешь до первого милиционера. У тебя на лице написано, что украл.

— Ну и?

— Он упал на колени и просил меня взять на сохранение кораблик.

Скорохват растянул рот от уха до уха:

— Гы-гы-гы... Наверное, дал в ухо и отобрал кораблик, чего с придурком церемониться?

Вероника усмехнулась:

— Надеюсь, расписку не написал?

— Хотел, но в это время прямо на нас ехала милицмейская машина и в ней сидел вездесущий Михалыч. Он крикнул: «Стой!» Но мы бросились в разные стороны...

— Ой, — запищала съезжившаяся от ужаса Вероника, прикрываясь ладошками и не желая слушать дальше.

— Интересно мне знать, кто шарил в доме адмирала? — почесал в затылке сторож. — Никто из старых уголовников на это не способен. Командир базы — святой для Кронштадта человек. Пожалуй, в доме адмирала действовал поджигатель. Схватил кораблик, увидел

мальчиков, и ему в голову пришла мысль — повесить все на несовершеннолетних негодяев.

— Это была хорошая мысль, — согласился Скорохват.

— Он ливнул бензин на пол так, чтобы сманить их — благородные мальчишки наверняка бросятся тушить пожар. Так и случилось.

— Маленькие паршивцы оказались в ловушке, — усмехнулся Скорохват, — и потом наверняка их в уголовном розыске спрашивали: скажите, дети, по секрету, куда вы дели серебряный фрегат, симпатичный такой? Почему вам в голову пришла идея — помыть бензином пол в доме контр-адмирала? Ха-ха-ха!

Олег уже кипел от гнева: до чего дрянные люди — жулики. Да и чего можно ожидать от воров? Для них одно удовольствие — поставить другому ловушку.

Похоже, Вероника умела ценить дорогие вещи. Несколько успокоившись, она обрела способность улыбаться и заметила:

— Классный ювелир сработал серебряный фрегат, он так и летит по воздуху. Глядя на него, я так и слышу, как хлопают паруса и вода плещет за бортом.

— Незачем нам тащить этот кораблик к ювелиру, — зашипел Скорохват. — Он все равно нас обманет. Надо выковырять из кораблика камешки, распилить на три части, поделить по братски. Да и разбежаться в разные стороны.

— Пусть Бог станет свидетелем, — взмолился плотник, — за металлолом нам дадут копейки. А ювелир даст настоящую цену, отвалит валюту, не торгуясь, и продаст потом кораблик за океаном. В нашем распоряжении все яхты клуба, и с кучей денег мы исчезнем без следа.

Стоя за стенкой сарайчика у иллюминатора, Олег лихорадочно думал, что же ему делать? Броситься одному и попытаться отнять фрегат — бессмысленно.

В этот момент в дверях сарайчика появились две фигуры. Там стояли Юля и Глеб. Юля тоже знала тропинки клуба, и, наверное, они незаметно подошли от ворот яхт-клуба.

Олег все еще соображал, что лучше предпринять, как Юля, которая нервничала со вчерашнего дня, гордая, справедливая Юля, которая знала бандитов только по рассказам ма-

тери, а сама ни разу не сталкивалась с подонками и поэтому не опасалась их, шагнула к самой двери и громко приказала:

— Сейчас же верните фрегат госпоже Шонвик! Вас по всему городу ищут, а вы тут притаились с краденными долларами.

Не успела Юля договорить, как здоровенная рука Скорохвата высунулась из-за железной двери, схватила девушку за плечо и рывком затщила внутрь. Вторая рука сжала горло, и Юля, пытаясь вырваться, со стоном и хрипом забилась в безжалостных, страшных лапах.

«Драться надо — так дерись!» — с детсадовских лет помнил Глеб и теперь не колебался ни секунды. Он видел по ломаному носу, по прижтому к груди подбородку, по широченной грудной клетке, по огромным кулакам — Скорохват боксер-полутяж, победить в драке его не удастся, и все же пронзительно крикнул: «Кий-я-я! Кий-я-я!» — и стал пританцовывать перед дверью в боевой стойке, прицеливаясь лягнуть силача в ногу и лишит возможности передвигаться, заорал, пугая:

— Полундра! Все вверх! На бордаж!

Олег услышал голос приятеля, забарабанил по металлической стенке сарайчика, заорал в иллюминатор не своим голосом:

— Не двигайся! Вы окружены! Стреляю без предупреждения! Выходите по одному с поднятыми руками!

Лицо Вероники побелело, перекошилось, не издав ни звука, она упала без сознания в обморок, растянувшись на полу под иллюминатором.

Скорохват, не ожидавший нападения сзади, вскочил, повертел головой туда-сюда и прикрывшись Юлей, сжимая ей горло согнутой рукой.

Плотник, видимо побывавший в разных переделках, даже не поднялся со стула. Снисходительно улыбнулся одной половинкой лица:

— Молодая гвардия решила проведать старика? Заходите, ребята, не стесняйтесь. Угощу чем Бог послал.

Пачки долларов и серебряный фрегат одним движением сгреб со стола в сумку желтой кожи с белой полосой, засунул под лежащий у стены парус. На стол выставил бутылки с пивом.

— Присаживайтесь, угощаю.

Разозлившийся Скорохват сжимал горло девушки так сильно, что она даже не пыталась

вырваться, а только всхлипывала, чуть дыша, и жалостно стонала.

Олег перебрался от иллюминатора к дверце сарайчика, крикнул:

— Отпусти Юлю немедленно!

— У девочки красивые глаза. Я люблю такие, — издевался над ним Скорохват, мстя за недавний испуг.

— Немедленно отпусти сестру! — наступая, повторил Олег.

— Я неравнодушен к симпатичным глазкам, — продолжал издеваться злодей. — А сейчас один возьму на память, — и двумя растопыренными пальцами потянулся к ее глазам.

— А-а-а-а! — зажмурившись в страхе, Юля снова стала вырываться.

Защищая сестру, Олег кинулся на бандита. Но хладнокровный плотник ловко подставил ему подножку, а боксер с легу поймал на кулак и точным ударом в висок пригвоздил к полу.

Глебу тоже хотелось броситься на негодяя, но он понял — им только это и надо. Драться с ними бессмысленно. Им страшно другое. Глеб отскочил на безопасное расстояние, чтобы в любую секунду можно сделать рывок в сторону и убежать из клуба. Наблюдательный плотник словно прочитал его мысли.

— Мы тебя даже догонять не станем. Видишь, у Скорохвата мозги совсем отморожены, он с удовольствием изуродует девочку. Слепую Юлю кинем тебе в руки, а пока ты с ней возишься, сами спокойно исчезнем. У нас все готово для отхода, вы наших концов не найдете, — и противенько хихикнул, дернув одной щекой. — Эх ты, волонтер хренов от Шерлока Холмса, тебе же нужно следить за нами неотступно.

Глеб решил, что хитрый плотник оценивает ситуацию правильно, временно придется покориться обстоятельствам, а позднее искать выход. И кинул пробный камень:

— Давайте сделаем так: вы отпустите девушку, а меня вместо нее возьмете в заложники.

— Смелый юноша, — похвалил его Сиплый Граф. — Но ты в Кронштадте — чужак, никому не нужный и неизвестный. Цена тебе — тьфу! А эти двое — дети здешнего следователя, если их взять в заложники, можно просить у города что захочешь.

— А что вам хочется попросить? — заинтересовался Глеб.

— Ты слишком много болтаешь, — буркнул Скорохват, вновь взглядываясь в потемневшие от страха глаза Юли.

— Такая болтовня обычно путает людей. Но вы, я вижу, не из тех, кого можно сбить с толку простым разговором.

— Я понимаю, мы на острове, вокруг враги, — сказала Вероника, подымаясь с пола и отряхивая брючки. — Надеюсь, драка окончена, детский сад побежден?

— Наконец-то мы снова видим тебя, милая Вероника, — засиял одной половиной лица Сиплый Граф. — Ты не ушиблась, стукнувшись головой об пол? Доктора не рекомендуют женщинам так быстро падать на спину, можно заработать большой синяк на затылке. И подниматься резко нельзя — следует беречь сердце. Так можно получить инфаркт.

— Пришлось подняться. Ведь нам скоро придется делать военный маневр — драпать. Как думаешь?

Плотник озабоченно покачал головой и приказал:

— Скорохват, отпусти девицу, от нее много пisku, и рядом с ней ты не способен думать о деле. В заложники возьмем ее брата.

Боксер с явным сожалением отпустил девушку. Взял веревку, наклонился и ловко связал Олегу руки и ноги.

— Вы двое можете идти, — продолжал плотник. — Но если вздумаете капнуть на нас в милицию или пожаловаться маменьке, то ваш Олег познакомится с нашим маленьким арсеналом. Покажи им, Скорохват, игрушку, которую ты носишь у сердца.

Боксер достал из кармана куртки настоящую гранату и положил на спину подростку. Плотник равнодушно прокомментировал:

— Стоит вам прийти в отделение милиции и распусть язык, я об этом узнаю сразу, ваш братец в тот же час станет христовым сыном, а то, что от него останется, вы захороните в маленькой чашечке.

Юля стояла, опираясь одной рукой на сарайчик, другой растирала помятую шею. Что-то в горле хрипело, булькало, говорить девушке не могла.

«Мозги у них отморожены, — думал Глеб. — Я стою перед настоящими бандитами. Нужно быть хладнокровным и спокойным, не давать волю злобе. И не сделать ничего такого, о чем после можно пожалеть».

— Поступим так, — решил Сиплый Граф, — вы идете в свою конуру и сидите там тихо и смиренно четырнадцать часов. Мы Олега спрячем в одно укромное местечко, покончим со своими делами и тихо удалимся. Завтра дадим телеграмму, где его оставили. Договорились?

Юля тихо всхлипнула. Глеб скрипнул зубами — надо совершенно не уважать себя, чтобы пойти на такую гнусную сделку. Олег со стоном приподнял голову, один глаз его заплыл от удара.

— Мы не можем оставить своего капитана в ваших руках, — заупрямился Глеб.

— Опять спорите, — зарычал Скорохват, делая зверское лицо. — Сейчас снова схвачу девочку, и она уж точно останется без своих очаровательных глаз.

— Это зрелище не для девочек, — приходя в себя, прошептал Олег. — Глеб, уведи Юлю, и у нас будут руки развязаны.

Сиплый Граф положил себе руку на грудь:

— Сердце мне подсказывает — Глеб, ты человек чести. Пообещай мне молчать, как бы дело ни повернулось. И мы не принесем вреда твоему приятелю.

— Ладно, — с трудом выдавил из себя Глеб.

Сиплый Граф с сомнением посмотрел на него, но все же вскричал:

— Дал слово — будь ему верен. Честность, еще раз честность — и ты всегда победитель. И я прошу тебя, не усложняй ситуацию, вынь телефон из кармана, отдай мне на сохранение. Не стоит других людей беспокоить из-за нашего копеечного спора.

Глеб заколебался, тогда Скорохват вновь схватил Юлю за руку:

— Гони сюда телефон!

Глеб увидел — лицо девушки исказилось от боли, из глаз потекли слезы. Вынул из кармана радиотелефон и кинул в кусты.

— Вот мы обо всем и договорились, — ласково проговорил Сиплый Граф.

Поскольку ничего другого Глеб пока придумать не мог, он взял Юлю за руку и отвел в сторону. Скорохват нашарил в кармане Олега

ключи, открыл дверь соседнего сарайчика, тоже сделанного из металлического контейнера с врезанными окнами — квадратными иллюминаторами. Втолкнул ребят внутрь.

— Не стоит скучать, четырнадцать часов быстро пролетят, и вы снова соберетесь вместе, шантрапа сопливая. Сейчас я запру дверь, и вы уже не станете больше болтаться у меня под ногами. Ох, как вы мне надоели! — навесил замок и, размахнувшись, бросил ключи в кусты.

Юля села за стол, уронила голову на руки и заплакала навзрыд, так что крупная дрожь билась ее тело.

«Трудно гордому человеку смириться с поражением, — подумал Глеб. — По крайней мере, Юля тут в безопасности. А он еще раз все обдумает — что же можно предпринять? Садись, детектив, к окну, глаз не спускай со злоумышленников и думай, думай, думай...»

Глава 15 Трудно поделить добычу

Плотник показал рукой в угол за перегородку:

— Вон там, на полке, возьми тряпку, этому обороту рот заткнуть, брезент с верхней полки достань, да живее.

Скорохват бросился за перегородку, а плотник как бы невзначай два раза сильно лягнул скомканную у стены парусину, под которой хранилась их валютная добыча.

Олег понял, что его сейчас куда-то потащат, открыл рот, чтобы закричать, позвать на помощь, но ему засунули кляп, завязали на затылке концы тряпки. Стало трудно дышать, пересохло горло, подросток начал стонать и вырываться, но плотник стукнул его в грудь, так что затрещали ребра:

— Заткнись, сопляк. Не надо было соваться во взрослые дела. — Швырнул Олега на пол и закатал в брезент.

— Неси парня на пирс, — приказал Сиплый Граф. — Я беру сумку с деньгами и иду следом.

Скорохват подхватил Олега, взвалил на плечо и побежал на пирс. Плотник пошуровал под брезентом, из-под дальнего его края вытащил кожаную сумку с белой полосой и затопал сза-

ди. Остановились они у края пирса, как разглядел сквозь дырочку Олег, у легкой гоночной яхты «Неман». Капитан яхты Валерий и рулевой Миша содержали ее в полном порядке, это была самая быстроходная яхта клуба.

Плотник спустил на воду тузик.

— Давай я подержу портфель, — предложил Скорохват, — а ты перевези сначала парня, что он тут лежит на пирсе.

Но Сиплый Граф хорошо помнил старую байку про перевозчика, козла и капусту. Оставлять на пирсе иностранную капусту с самым быстроногим жуликом в городе не следовало. Старик поставил себе в ноги дорожную сумку и, делая короткие гребки, ловко повел тузик по пляшущим волнам, закинул сумку в яхту, вернулся к пирсу и уцепился рукой за камень.

— Теперь грузи пацана.

— И я с тобой сразу, — занервничал Скорохват.

— Двоих в тузик не загрузить — перевернемся.

— Его положи на нос, я сяду на корму.

— Боишься, что я оставлю тебя на берегу?

— Зачем нам, старым товарищам, ссориться?

Нужно доверять друг другу.

— Хорошо, опускай парня, клади на дно, голова и ноги пусть торчат из тузика... Видишь, уже захлестывает тузик, куда тебе садиться?

— Вижу, некуда. Ладно, вези одного. Но если обрежешь концы и захочешь удрать с долларами и с серебряным фрегатом — учти, я не задумываясь взорву и яхту, и тебя. — Он демонстративно вытащил гранату и, изготовившись, стал у края пирса.

— Скорохват, мы же с тобой старые приятели.

— Я тебя хорошо знаю, потому и предупредил. И не вздумай шутить. Я шутки плохо понимаю.

Когда замотанного в брезент Олега затащили в яхту, он начал брыкаться, замычал сквозь тряпку: куда везете?

— Лежи тихо, — зашипел Сиплый Граф. — Ничего с тобой не станется. Положим в надежное место, станешь доллары охранять. Вернемся за деньгами и тебя отпустим.

— Ша! — окрысился Скорохват. — Не нервуй меня, а то за борт выкину.

Олег затих. Везти его куда-то, чтобы бросить в воду, не имело смысла. Расправиться с ним могли и здесь. Значит, у них другие планы.

Лежа на дне яхты под палубой, молодой моряк ничего не видел, но по звукам довольно точно представлял, что делали злоумышленники. Вот пискнули блоки — по ним с шуршанием пошли фалы — поднимают паруса. Первым забился на носу от ветра треугольный стаксель. Вот тяжело пополз наверх грот-парус. Теперь плотник взял руль, паруса приняли ветер, и яхта пошла, ишь, как вода заурчала за бортом. Олега стало катать из стороны в сторону, значит, пошли галсами, против ветра, путь лежит к дамбе.

Ага, звук прибора послышался, проходим мимо островка или форта. Загудело как в трубе — яхта нырнула под Горбатый мост на дамбе. Теперь вышли в Финский залив, на простор, куда же дальше? И снова плотник повел яхту галсами, круто брал к ветру, яхта кренилась так, что могла черпать бортом. Крен ей не страшен, под днищем тяжелый, залитый свинцом киль. Олег давно уже скатился с жесткого диванчика на пол, так и лежал, перекатываясь от борта к борту, слушая шелест воды под крики Сиплого Графа:

— Пойдем другим галсом, приготовься, отпусти шкоты... Тяни шкоты, закрепи шкот... Интересно, нашего юного дружка не тошнит там, внизу? В каюте любого быстро укачивает.

— Ничего, полежит и так, отдохнет.

— Сбавляем ход... Руби стаксель!

Швартуемся, понял Олег. Самое трудное для яхты, не имеющей мотора, — швартовка.

Яхта сильно ударилась форштевнем, заскрежетало по борту, наверное, камнем, и остановилась. Протопали над головой, спрыгнули на берег, быстро вернулись.

— Приготовили тебе хорошенькое местечко для отдыха — свежий морской воздух, чудесный вид, — смеялся плотник. — Многие мечтают об этом. Потом благодарить будешь.

Понесли его на берег, дергая из стороны в сторону. Значит, по камням скакали.

Олег выплюнул-таки тряпку:

— Куда вы меня тащите?

— Не переживай, за пределы курортной зоны Петербурга не вышли. Ты все еще в Финском заливе.

Олег чувствовал, как его спустили по крутой лестнице вниз. Вот еще одна лестница, и еще одна. Воздух стал тяжелым, влажным. Положи-

ли на каменный пол, не снимая брезент, еще раз поверху скрутили проволокой.

— Тут кричи не кричи, никто не услышит. Завтра дадим телеграмму, и тебя отыщут. А мы уже далеко отсюда будем, в Северной столице.

Глава 16 Бомж Гена что-то видел

Автобус номер три привез Галину Борисовну от дома контр-адмирала к воротам яхт-клуба. По асфальтированной дорожке она прошла прямо к молу — каменному пальцу, указывающему на Петербург. На буйке-мухоморе, у которого должен был стоять на швартовых фрегат «Штандарт», сидела огромная чайка и держала в клюве выловленную рыбу. Мама вытащила из воды кормовой швартовый, — обрезан! Значит, на фрегате «рубил» концы и в спешке выходили в залив. Не таким должно быть первое плавание. А горизонт чист — фрегата не видно.

Сначала пошла, а потом побежала к сарайчику — дверь заперта снаружи на замок, квадратный иллюминатор открыт. Заглянула внутрь — на вещах печать торопливого бегства.

Сердце матери сжалось. Бросилась к сторожевой вышке, поднялась на второй застекленный этаж. Сколько видели глаза — вода чиста, ни одного паруса. Время рабочее, яхтсмены еще заняты, но где же сторож? И его не видно. В отчаянии женщина снова выбежала на пирс — ну хоть бы одна живая душа.

Из-за кустов, которые отделяли яхт-клуб от пляжа, выбрался подросток — бомж. Галина Борисовна его несколько раз видела, и Олег рассказывал. Как же его зовут? А, Гена Бобраков. Кинулась к нему:

— Гена, ты не видел моих ребят?.. Они на фрегате ушли?

Гена расчесал пятерней и пригладил мокрые волосы. Он получал удовольствие от того, что его не гнали, с ним уважительно разговаривали. Следовало хорошо преподнести себя незнакомой женщине, которая явно от него что-то хотела.

— Вот помылся на пляже, рубашку постирал. А то говорят, что от меня воняет и смотреть противно.

— Гена, ты давно здесь?

— Знаете, люди иногда выбрасывают на помойку вполне приличные вещи. Все, что вы видите на мне, — с помойки. И джинсы без единой дырочки, и кроссовки японские, и курточка французская без одного рукава. Только в парикмахерскую ходить дорого. Приходится волосы ножом обрезать, ножниц у меня на катере нет.

— Ты меня понимаешь, Гена, я тебе вопрос задаю.

— Понимаю, вы что-то спрашиваете. — Он был сыт — после трех бутербродов, которыми его угостили на пляже, выпил две бутылки пива, которые стащил в сарайчике сторожа, и ничего не хотел больше знать. Гена привык жить одним днем, одной минутой, мог слушать только самого себя, свой желудок. Тот был полон и говорил своему хозяину, что в хорошую погоду нужно наслаждаться жизнью. Бомж с трудом воспринимал происходящее вокруг, а эту цепкую женщину, взявшуюся неизвестно откуда и что-то требовавшую, и вовсе не хотел видеть. Он сказал все, что было у него на сердце, и, вполне довольный светской беседой, повернулся, пошел прочь.

Галина Борисовна двинулась за ним.

— Гена, постой.

Может, она видела, как он стащил бутылки? Бомж пошел рысью.

Галина Борисовна чувствовала — он что-то видел. Сбросила туфли и побежала следом.

Бомж ударил в галоп.

Но он не знал собеседницы.

— Стой, стрелять буду! — закричала капитан юстиции и запустила в Гену туфлей. Металлический каблук попал прямо в свежeweымытый затылок. Гена потрогал волосы, решил, что словил пулю, и, как положено в таких случаях, упал на землю, перестал двигаться.

Галина Борисовна подошла к подростку, взяла за воротник, приподняла и встряхнула:

— Ты наркоман?

— Нет, я этой гадостью пренебрегаю. Не тратьесь зря, лучше угостите меня мороженым.

— Я следователь милиции. Выбирай, или ты здесь со мной поговоришь, или я тебя задержу и мы станем беседовать у нас в изоляторе?

Что такое изолятор, Гена хорошо знал и не хотел туда попадать — летом лучше на приро-

де. Он сел, и постепенно лицо его приняло осмысленный вид.

— Может быть, на зиму разговор отложим?

— Дело срочное, сейчас придется потолковать.

Гена вздохнул. Вообще-то, он по природе был человек добрый. Почему и не пообщаться, если культурно спрашивают.

— Ты сына моего, Олега Некраша, знаешь?

— Знаю, грабитель, он у меня полгорода отвоевал, чтоб он где-нибудь заблудился и до самой зимы домой дорогу не нашел. Из-за него я иногда вечером сижу на диете — на ужин средств не хватает. А ковыряться в темноте на помойке не люблю — непонятно, что съедобное, а что — нет.

Мама попробовала сделать новый заход.

— Ты здесь живешь?

— Нет, у меня в Петровской гавани свой ка-тер. А отсюда гоняют.

— Сегодня ты давно пришел в яхт-клуб?

— У меня часов нет — живу по солнцу и желудку.

— Зачем ты сюда пришел?

— Передвигаюсь я по улице, вижу — здоровенный тип со сломанным носом прет целую сумку с пивом. Соображаю — нельзя позволить такому богатству дать погибнуть в чужих желудках. Взял след. Ну и прошел через ворота. А что, не следовало заходить? Там при входе злющая собачища, но она на веревке и за металлической сеткой. Если к ней попадет бутылка — не отнимешь.

— Когда ты пришел сюда, заметил ли у причала фрегат «Штандарт», сделанный под старинный парусник, с разрисованными бортами, на них пушки нарисованы?

— Вы не сомневайтесь, я читать умею. И считать тоже. Хорошо считаю, даже приемщицу обмануть могу. Только вы ей не говорите... Да, стоял «Штандарт», по борту золотые буквы написаны, и пушки из люков выглядывают. Хорошо нарисовано.

— Ты ребят моих не заметил, два парня и девушка?

— Девушки не было... И ребят тоже.

— А кто был?

— Со сломанным носом, что за пивом ходил, и с ним седой.

— Сторож?

— Наверное. Он пиво поставил у себя в сарайчике и сразу начал пить. Я купаться ходил. Вернулся, они вынесли что-то завернутое в брезент, положили в тузик, переправили на яхту, подняли парус и ушли.

— А что несли в брезенте?

— Не пиво, нет. Я пристально следил из кустов, когда брезент в тузик опускали, он взбрыкнул и даже пискнул. Ну а пиво не может взбрыкивать и пищать, сами понимаете.

— Ты узнал голос? Может, это Олег оказался в брезенте?

— Вы говорите, Олег мог оказаться в брезенте? Надо же, как мне подфартило, завтра соберу бутылки со всего города и устрою пир. Да, голос был похож. Теперь я это отчетливо вспоминаю.

— Боже мой, — зашаталась мама. — Неужели Олег нашел жуликов и они похитили мальчишку?

— Не знаю, врать не буду. Когда эти двое на яхте ушли, я забрался в их сарайчик и выпил две бутылки пива. За это арестовать могут?

— Что ты еще видел? Что еще видел, вспоминай, тугодум! — заорала мама на Гену.

— Зря вы ругаетесь... Ну, видел — парень с девушкой, запертые в сарайчике, взломали иллюминатор, вылезли наружу, подняли парус на вашем фрегате и вдогонку пустились... Но куда там, яхта умчалась как сумасшедшая. А эти не сразу даже с парусами разобрались. Потом, правда, красиво пошли.

— Кто на фрегате пошел?

— Девушка красивая и парень приезжий, я его прежде не встречал. Я в это время пустые бутылки в сумку собирал и не присматривался. Потом сразу побежал стеклотару сдавать. Знаете, я теперь на катере не один живу. Тут, в районе Гора, один тип мать выгнал из дома, старушку. Она иногда плохо соображает, сумасшедшая, в общем, но ест за троих, с пищеварением у нее все в порядке. Вот он и выгнал. Я ее поселил у себя на катере и кормлю. Она ждет, что я ей поесть принесу. Вы меня арестуете?

— Некогда тебя арестовывать, у меня сына украли. Он мальчик с характером, если драться начнет, что они с ним сделают? А Юля с Глебом в погоню пошли, в открытый залив. Все норовят сами сделать, самостоятельными стать. А на волнах барашки вспенились, вол-

нение два балла, не меньше. Если беда случится, что я отцу скажу?

Держа в руках туфли, Галина Борисовна убежали из яхт-клуба, мимо автобуса, прямо на проезжую часть и, подняв руки, стала на пути красных «Жигулей».

— Уголовный розыск, следователь Некраш, преступники мальчика украли. Срочно в отделение.

Молодая женщина, водитель, кивнула головой:

— Садитесь, быстро довезу, на красный поедем... И до нашего острова беды докатились, выданое ли дело — детей воровать. Да за это надо... — Что надо, водитель не сказала, но довезла быстро.

Галина Борисовна сразу пошла к начальству и рассказала о пропаже детей.

— Не волнуйся, Галина, — ответил ей начальник отделения. — Все наши люди с этой минуты будут заняты поиском детей. Сейчас дам команду «В ружье!», и все сто двадцать человек переключатся на поиск. Если хочешь — иди домой.

— Нет уж, лучше здесь останусь, сюда начнет стекаться информация.

Галина Борисовна прошла к себе в кабинет, где зарешеченное окно выходило во двор, в котором стояли милицейские машины, на подоконнике и на сейфе жили три выносливых цветка в горшках. А за соседним столиком сидела ее подруга, дознаватель Бронислава Каляева.

— Бронислава, что будет? Если что случится, я не переживу.

Бронислава поставила перед подругой стакан с чаем:

— Не паникуй, старушка, найдут и представят твоих детей в лучшем виде, а ты посиди и приди в себя.

— А если Олега увезли на какой-нибудь дальний форт? Там не только мальчика, там дивизию можно спрятать.

— Не нервничай, Галина, сообрази, что еще можно сделать?

— Меня контр-адмирал Пенин просил сообщить, как следствие идет. Я ему сейчас позвоню.

Командующий базой откликнулся сразу, даже вроде и не удивился, военный человек, привык к неожиданностям. Только просил уточнить, куда могли повезти?

— Предположительно, из яхт-клуба повезли в сторону дамбы, там северные форты — второй, третий, четвертый, пятый. А может, еще дальше — в открытый залив, форт Тотлебен, Обручев или даже форты Риф и Шанс.

— Я переговорю с вашим начальством о местных действиях, — пообещал контр-адмирал. — И перекрою выход в море катерами.

Глава 17

Почему смеялся Сиплый Граф

Старые грозные форты — глаза и дальнобойные орудия крепости Кронштадт — вынесены в Финский залив талантом и стараниями бесстрашных моряков и артиллеристов так, чтобы в годину войны ни один чужой корабль, даже самый быстрый и сильный, не смог прорваться к Петербургу.

Форты стоят в заливе на подошвах из привезенных по зимнему льду гранитных глыб, сложенных в дубовые кряжи. Первые форты начали строиться Петром Великим, их мощи радовался и капитан-командор Шонвик, который бороздил Балтику на тридцативосьмипушечном фрегате «Штандарт».

Неприступные, непобежденные форты не так давно разоружены людьми, которые жили одним днем, забыли историю и войну, без сожаления резали корабли и пушки, продавали в другие страны на металлолом.

Форт Обручев, один из самых дальних и мощных, тоже обезображен и ограблен. Но и сейчас он еще красив, в нем чувствуется заложенная строителями мощь.

Сиплый Граф хорошо ориентировался в темных глубинах артиллерийских погребов. Спрятав связанного, завернутого в брезент Олега, на ощупь провел Скорохвата мрачными лабиринтами в дальний закуток, отодвинул в стене каменную плиту, чиркнул зажигалкой, чтобы стало видно, и поставил в нишу дорожную сумку из желтой кожи с белой полосой.

— Здесь никто никогда не отыщет, деньги в безопасности, как в банке. Мы сейчас вернемся в Кронштадт, пусть нас милиция обыскивает, если хочет. Договоримся с ювелиром. Ближе к ночи привезем ему фрегат, получим на-

личку и — свободны, как ветер. Яхта в полном нашем распоряжении, высадимся где угодно, и — гуляй, Вася, разойдемся по-хорошему.

Злоумышленники молча поднялись наверх. С большим трудом, едва не пробив тонкий борт о камень, вывели яхту из небольшой бухточки форта Обручев, поставили паруса и побежали обратно. Легко идти при попутном ветре — яхта летит по прямой как стрела, паруса полны, а ветра как будто нет. Сиди себе, наслаждайся жизнью.

Скорохват продолжал нервничать, не терпелось ему разделить деньги. Немного удерживала жадность — фрегат не продан, да и Сиплый Граф умеет зубы заговаривать. Но душу терзали сомнения — слишком сложным оказался выбранный ими план. Он любил действия простые и ясные — одноходовки. Сложные маневры перегревали его утомленный боксом и алкоголем мозг. И в извилинах этого недалекого мозга вызревал собственный план, идея которого ласкала истерзанную душу — стоит ли делить деньги с Сиплым Графом? Зачем ему на старости лет такие бабки? И возиться много не придется со стариком — один удар, крепкий удар в скулу, дело привычное, и доллары получат достойного владельца. Нет сомнений — этой суммой гораздо удобнее пользоваться одному.

Оглянулся назад — форт тает вдаль, удаляться от собственных денег было выше его сил. Он решился.

Подельщикам уже не о чем было разговаривать друг с другом. Каждый ушел в свои мысли.

— Пожалей свою голову, приятель, — предложил Сиплый Граф. — От долгих размышлений у тебя может пойти носом кровь.

— Ты это о чем? — поинтересовался Скорохват.

— Тебе не удастся выбросить меня из яхты, ты не умеешь боксировать сидя. Я не только умнее, я тяжелее тебя.

— Нелегко жить человеку, у которого такие грешные мысли в голове, — посочувствовал Скорохват.

— Я думаю точно так же, как ты, — признался Сиплый Граф.

— Когда мы окончим дело и высадимся на континент, наверное, мне не следует ехать с тобой до Петербурга и знакомиться с твоими

друзьями. Я сразу сяду в автобус до Новгорода.

— По-своему — ты прав, что уж тут говорить, — согласился Сиплый Граф.

Они продолжали сидеть на узкой корме спортивной яхты плечом к плечу, все так же продолжая улыбаться, не проявляя ненависти или вражды друг к другу. Они давно знали, понимали и ценили друг друга.

— Половину пути от форта до дамбы прошли, — сказал Сиплый Граф. — Впереди отмель, будем делать левый поворот. Иди на нос, поправляй стаксель.

Но как только Скорохват дошел до середины яхты, плотник резко повернул руль, яхта круто вильнула, приняла ветер и легла на правый борт. Скорохват отчаянно вскрикнул и полетел в воду.

Плотник, твердо держа руль, удовлетворенно хмыкнул, из воды забраться на яхту невозможно.

Любой обычный человек уже плавал бы в Финском заливе. Но Скорохват был прежде хорошим боксером, имел мгновенную реакцию. Когда его ноги уже коснулись воды, он кинул руки вверх и ухватился за ванты, натянутые от мачты к борту, да так и повис на них, полоща ноги в воде.

— Ты там уснул? — заорал он плотнику.

Тот что-то забормотал, но яхту выровнял.

Кое-как забравшись на борт, оставшая позади мокрые следы, на четвереньках Скорохват приполз на корму.

— Извини, шквал налетел, — оправдывался рулевой. — Смотри, вон рябь по волне, еще шквал идет.

— На этот раз, — усмехнулся Скорохват, — не повезет тебе.

И как только налетел шквал и яхта немного накренилась, он нанес сильнейший удар в челюсть приятелю. Тот коротко охнул, и глаза старика закрылись.

— Нокаут, — удовлетворенно констатировал Скорохват. — Значит, я еще в форме.

Одной рукой принял руль, другой ухватил напарника за грудки и, крикнув, вывалил за борт. Яхта описала дугу и пошла обратно к форту Обручева.

Очутившись в воде, плотник тотчас открыл глаза и взмолился:

— Возьми меня обратно!

— При каждой неудаче давать умеете сдачи.

Иначе вам удачи не видать, — пропел в ответ Скорохват.

— Ха-ха-ха! — донесся из волн голос Сиплого Графа.

— Ты чего ржешь, дружище? — с недоумением оглянулся Скорохват.

— Потом поймешь, — донеслось в ответ.

Дальнейший разговор пришлось прервать, потому что яхта отошла на значительное расстояние. Идти галсами против ветра одному, не очень опытному человеку трудно. Но Скорохват сладил все же с парусами, проявив при этом завидную ловкость и дьявольское упорство. Еще бы, в глубине форта его ждало долгожданное богатство.

За приятеля он не волновался — пусть поплаваает немного, вода теплая, до берега доберется. «А я тем временем заберу доллары, серебряный фрегат и был таков. Прямо на яхте рвану в Эстонию. Там найду честного ювелира. В Таллине появлению нового миллионера только обрадуются», — думал он.

Швартоваться одному на яхте без мотора к каменистому берегу — самоубийство. Но Скорохвата вела великая цель. Он выбрал местечко поотложе, поровнее и с ходу выкинулся на берег. При этом яхта сильно накренилась, но все же днище выдержало удар.

Скорохват долго искал укромное местечко, куда они спрятали желтую сумку с белой полосой. Исчиркал целый коробок спичек, но все же отыскал тайник. Отодвинул плиту — вот она, сумка. Тяжеленная, радует сердце. Подхватил ее и скорее наверх, к солнцу, к счастью. Сел на травку у входа, чтобы не зашататься, не упасть в обморок от долгожданного богатства. В нетерпении рванул замок.

Нет, искатель приключений не упал в обморок от того, что увидел. Он был крепким боксером и умел держать удар. Дорожная сумка из желтой кожи с белой полосой была та самая, он мог поклясться. Именно в нее они ссыпали пачки долларов из взломанного сейфа в обменном пункте Дома быта. Именно в нее швырнули серебряный фрегат. Но теперь в ней лежали пачки кронштадтского еженедельника «Морская газета» и ржавый электрический утюг.

Выдержка все же покинула Скорохвата. Действуя словно во сне, он взял первую попав-

шуюся газету и, сам не понимая, что делает, прочитал вслух: «С телетайпной ленты. Так зарождался флот. В одном из известных заповедных уголков Москвы — в музее-заповеднике «Коломенское» на территории корабельного центра «Петрофлот» состоялся большой праздник юных моряков».

«Нет, это не доллары, — сказал сам себе искатель приключений и понял, что начинает сходить с ума. — Это большая черно-белая газета, а те маленькие, зеленые и президент напечатан в середине. А тут Гагарин хохочет на первой полосе. А может, теперь такие доллары стали — с Гагариным?»

Скорохват вытряс газеты из сумки на землю, в ярости их растоптал, утюг швырнул в залив и бегом бросился к яхте. Теперь у него хороший повод для дружеской беседы с Сиплым Графом. Надо его отыскать, элегантно взять за пуговицу пиджака и ласково объяснить этому тяжелому умнику, как следует обращаться со старыми товарищами.

Про Олега, который связанный лежал тут же в глубине артиллерийских погребов, торопыга, конечно, не вспомнил.

Глава 18

Не робей, пацан, мы из Кронштадта

Олег знал, что его спрятали в заливе, в одном из фортов. Спрятали надежно и теперь найдут не скоро. Не мог отчетливо представить себе, сколько времени лежит в старом артиллерийском погребе, порой думал, что прошли уже сутки, хотя понимал, что так быть не может. Сердце гулко стучало в каменной тишине, но эти удары никто не слышал и никто не приходил.

Иногда Олегу казалось, что откуда-то доносятся голоса — либо туристы посетили форт, либо милиция приехала и разыскивает его, что скоро они спустятся вниз и найдут завернутое в брезент тело. Он начинал звать, кричал, пока хватало сил.

Медленно ползли бесконечные минуты, он на некоторое время даже впал в забытие, но вскоре в холодном поту очнулся. Когда за ним придут? Может быть, бандиты забыли дать телеграмму, а теперь и не вспомнят о своем обе-

щании, ведь на их совесть полагаться никак нельзя. Они не захотели его убить — побоялись, а потом махнули рукой, мол, сам выкрутится. Олег заплакал от безысходности, слезы жгли глаза, но стало немного легче.

Руки и ноги затекли, он их почти не чувствовал. Стал мотать головой, бодаться, дергать связанными ногами. Тело шевельнулось, и он понял, что оно еще слушается. Двигая головой и ногами, раскачал тело, со спины перевернулся на бок, затем на живот и опять на спину. По рукам и ногам пошли иголки, понял, что вскоре сможет владеть ими. Подумал — никто не приходит на помощь, но никто и не мешает сбросить путы. На самом доньшке отчаяния нашел в себе силы — стал ритмично, последовательно брыкать ногами и дергать руками. Когда его связывали, как мог сильнее напряг мышцы, теперь расслабленные узлы стягивали не так сильно. А чтобы вновь сознание не отключилось в каменной, черной, как ночь, тишине, стал вслух считать свои рывки:

— Один... Два... Три...

От напряжения руки и ноги вскоре начали дрожать, но все равно слушались. Из глаз посыпались искры. Он плакал, слезы жгли глаза, словно в них насыпали колючего песка. Ему казалось — от ударов и рывков качается пол и дрожат несокрушимые бетонные стены форта... На счет три тысячи двести сорок два... почувствовал, что веревка, связывающая руки, ослабла, и, лежа на боку, постепенно вывинтил правую из петли.

И тут надолго впал в забытие, погрузился в темную тишину, теплую и влажную. Почувствовал тяжесть тела, услышал утомленное дыхание, неровный стук сердца. Но уже не боялся одиночества, своих слез и темноты. Он стал сильнее тишины, сильнее самого себя и своей беспомощности.

Отдохнув, извлек руку из брезента, облизал саднящее, стертое до крови место. Освободил вторую руку, аккуратно, чтобы не порезаться, размотал проволоку и, как червяк, выполз из брезента. Откуда-то сверху шел слабый свет, это вентиляционный ход или остатки лифта, где снаряды подавали наверх к орудиям. На ощупь отыскал лестницу, осторожно, ступень за ступенью, поднялся наверх. Уперся в дверь из толстой брони. Такую дверь из пушки не

пробить, если подперли — пропал. От третьего толчка дверь подалась, без скрипа открылась.

И вот он наверху. Прикрыв глаза ладошкой, дал им привыкнуть к свету. Осмотрел горизонт, бело-голубой яхты «Неман» не заметил. Вдали увидел остров Котлин и понял, что его привезли на форт Обручев. Ага, вон и туристы здесь появились. Неужели не помогут?

Хозяева одной яхты, сонно развалившиеся на теплых камнях, лениво ответили:

— Пацан, подожди до вечера, соберемся до-мой и тебя отвезем.

Владельцы второй яхты, уставив ровный камень бутылками, весело закусывали. К ним Олег сам не пошел.

Ждать, пока его найдут и спасут, больше не мог. Душа требовала действия, быстрого и решительного. По краю, прыгая с камня на камень, обошел форт. Плот сделать не из чего. Если волны и выбросят бревно, туристы тут же пускают его на костер. А что там белеет у самой воды? Холодильник! Выброшен кем-то на свалку в Кронштадте, смыт волной и прибит сюда ветром. Дверца закрыта, внутри сухо. Необычное плавсредство, усмехнулся Олег, а руки уже действовали. Камнем сбил петли, оторвал крышку холодильника. Подобрал на берегу досочку, за весло сгодится. Поставил одну ногу в середину холодильника, сидел осторожно, как в байдарку, чтобы не перевернуться. Держась за борта, перенес вторую ногу внутрь и сел на дно, чтобы центр тяжести был как можно ниже. Оттолкнулся досочкой от берега, гребнул раз, другой — поплыл кораблик!

Посмотрели на Олега сонно с одной яхты:

— Вернись, тебя течение в залив унесет.

Со второй яхты закричали хмельными головами:

— Мы из Кронштадта! Смелее, капитан!

Отходя от форта, Олег вспомнил, что говорится в лоции: «Течения в Балтийском море слабые. Они меняют свое направление в зависимости от ветра. Два постоянных течения идут в проливах: одно на поверхности — из Балтики в Северное море, второе в глубине — из Северного моря в Балтику».

Цвет балтийской воды почти зеленый, но на мелководье от обилия бурых водорослей — коричневым.

Плавая в Балтийском море, следует соблюдать осторожность, так как в любую погоду, в любом месте моря часто встречаются суда».

Течение сносило Олега в залив, к Толбухину маяку, и унесло бы, да ветер с Балтики не дал сотворить несчастье, удержал на выбранном курсе. Всплескивалась волна у края холодильника, а внутрь ни капли — берегла своего моряка, видела, что нелегко дается ему марафонский заплыв. Через полчаса непрерывной гребли холодильник ткнулся в песок у форта Шанс, что высится на берегу острова Котлин.

Опустил Олег в балтийскую воду натруженные руки, ополоснул лицо и скорее к шоссе. От форта Шанс ходит в Кронштадт автобус «двойка». Да уж больно редко — минут сорок надо ждать. Нет у Олега столько времени, ему злоумышленников поймать надо. Зашагал подросток по шоссе. Отшагал длинную остановку и услышал комариный звон в небе, задрал голову — два крошечных спортивных самолетика летят, показывают желающим остров Котлин сверху, недорого, приятное удовольствие. Олег уже бывал на местном аэродроме, местечко называлось Бычий луг, на нем во время войны стояли легкие самолеты, прикрывая город.

В этот момент Олег увидел, как навстречу ему по шоссе движется красный «Жигуль» и резко сворачивает к аэродрому. На переднем сиденье женщина. Красавица Вероника! Кто выпустил Веронику из каменного колодца? Лицо водителя не успел рассмотреть, кто везет ее сюда и зачем? И она не выглядит несчастной, наоборот, сияет, как победитель. Еще одна загадка.

Если бы Скорохват участвовал в гонках яхт, то наверняка занял бы первое место. Крепко упершись ногами, не обращая внимания на небольшую пробойну, через которую в корпус сочилась вода, он гнал яхту со скоростью ветра. Гонимая яхта легко вспарывала воду, оставляя за собой легкий след. Если и прочесывали катера этот район, то Скорохвату повезло, он сумел проскочить незамеченным. Промчавшись под Горбатым мостом на дамбе, он не пошел в яхт-клуб, а резко свернул направо в хорошо известный ему Шанхай — городок рыбаков, охотников и браконьеров. Если его и станут здесь искать, то вряд ли найдут, тут можно спрятать и черта.

Загнав отяжелевшую от воды яхту в один из заливчиков Шанхая, он тотчас опустил паруса, чтобы не привлекать внимание. Пусть яхта тонет. Ему надо скорее в город. Пройдя через ворота в толстой крепостной стене, он еще не имел четкого плана, просто пошел по улице хорошо знакомого ему местечка, Козьего болота — нужно постараться встретить знакомого и навести справки. Кронштадт город маленький, всем все известно. Так и вышло. Скорохват встретил своего приятеля, тоже бывшего боксера, с которым обычно промышлял на пару и которого оставил ради крупного дела с Сиплым Графом.

Оглянувшись по сторонам, приятель шепнул:
— Ты милицейского мальчишку украл?

Скорохвату стало нехорошо.

— Сейф с валютой в Доме быта ломанул?.. Можешь мне ничего не говорить. Тебя вычислили и ищут по всему городу. Если можешь, уноси ноги. — И ушел приятель, спасибо хоть предупредил, не выдал.

Скорохвату и самому ясно, что пора уходить и ложиться на дно. Но без денег нынче шагу не сделаешь. Тяжело вздохнул Скорохват — придется добывать средства старым способом, за что он и получил свое прозвище. Найти бы только старушку побогаче.

Глава 19

Извини, милый, я полюбила другого

Сиплый Граф хорошо плавал и не боялся теплой воды Финского залива. Тут мелко, вода летом хорошо прогревается, и только на быстрине, куда Нева выносит стьюлую ладожскую водицу, — бр-р! — холодна, может ноги свести. Пловец сбросил ботинки, пиджак, оставшись в рубашке и брюках, широко загребая руками, плыл брасом. Через час он вышел на песчаный берег недалеко от кладбища. У него хватило сил снять с себя рубашку и брюки, развесить сушиться на кресты. Минут двадцать отдыхал, потом собрался с силами, натянул еще влажную одежду и направился к шоссе, где ходил автобус «двойка».

Сиплый Граф стоял в автобусе в носках, смотрел в окно и улыбался. Он мечтал о будущем, о красавице Веронике, о собственном домике под

Петербургом. Мечтал потому, что у него хватило ума подменить дорожную сумку из желтой кожи с белой полосой, хватило ума договориться с Вероникой, бедняжка согласилась ждать его в каменном колодце, правда, вместе с сумкой, наполненной долларами. О, у него умелые руки, в своем сарайчике он сделал незаметный лаз, который вел прямо в каменный колодец. И сумка с долларами по этому лазу свалилась прямо к ногам Вероники. А чтобы договор с красавицей был крепче, они со Скорохвatom навалили на стальную крышку люка большущий камень. Так спокойнее. Теперь он ехал в автобусе и радовался своей смекалке. Скорохват останется нищим, а у него и доллары, и серебряный фрегат, и длинноногая Вероника.

Плотник проявил завидную осторожность, вышел за две остановки до кольца автобуса. В яхт-клуб не пошел, подобрался к забору со стороны пристани, откуда ходят суда-«Метеоры» на Петербург. Отодвинул заранее оторванные доски и оказался в кустах за своим сарайчиком. Крышка люка лежала так, как он оставил, плотно закрывая выход, и большой камень находился в том же положении.

Сам не зная для чего, плотник перекрестился, стукнул пальцами по крышке люка. Вероника, чертовка, не отвечала, притаилась. С трудом отвалил камень, поднял крышку люка и заглянул в каменный колодец... Вероники в нем не было. Сердце разом оборвалось, Сиплый Граф ссутулился, стал меньше ростом, на лице, сменяя друг друга, появились выражения ярости, отчаяния и безразличия.

Плотник спрыгнул в колодец, осмотрел лаз, в который сунул сумку с долларами, лаз оказался пустым. И тогда он понял, что Скорохват оказался прав — ненадежная Вероника. На обратной стороне люка обнаружил небольшую записку, приклеенную жвачкой: «Милый, извини, я полюбила другого». Подписи не было, но легко узнавался красивый, с завитушками, почерк.

Плотник вылез наружу, постоял секунд десять. Плюнул в колодец, швырнул в него смятую записку и скользнул к забору. Доски словно приросли к старому месту, пришлось их сильно толкнуть, чтобы выбраться за забор. Он хотел уже смешаться с пассажирами «Метеора», как его окликнули:

— Николай Копылов? — таким было его имя.
— Что ж вы старых знакомых не узнаете?

Плотник повернулся и увидел симпатичного молодого человека с черными усиками.

— А, Михалыч! — узнал он заместителя начальника уголовного розыска.

— Я тебя заждался, покажи, что несешь в руках?

— Ничего нет, пустые, — показал он ладони.

Клац, клац — раздались два легких щелчка, и руки Сиплого Графа украсили блестящие наручники.

— Зачем браслеты, Михалыч, я бы и так пошел, сколько лет знакомы.

— По старым делам я бы тебя повесткой вызвал. А из-за серебряного фрегата ты голову потерял, опасаясь, меня самого схватишь и засунешь в укромное местечко. — Оперативник зло рассмеялся, махнул рукой, и к ним подъехала милицейская машина.

Измученные, огорченные неудачей, Глеб с Юлей пришвартовали фрегат к якорю-мухомуру в яхт-клубе. Сколько ни плавали по заливу, найти яхту с похищенным Олегом не удалось. А тут еще ветерок поднялся, с трудом сумели вернуться обратно. На пирсе их встретил симпатичный молодой человек в штатском, с черными усиками, Михалыч. Он быстренько отогнул лацкан куртки и негромко произнес: «Галина, твоя Юля вместе с Глебом вернулись в клуб. Олега не нашли, сейчас привезу дочку в отделение. Кончай лить слезы, заваривай чай».

Глеб полез в кусты, отыскал там свой телефон. Первым делом позвонил Граю.

— Почему не отвечал на вызовы? — отругал его Грай.

— Телефон у меня изъяли.

— Подробности потом, времени нет. Сейчас я нахожусь в Шанхае среди сарайчиков рыбаков, в роли заезжего браконьера. Мне шепнули — кто-то из штабных заказал браконьерам три килограмма взрывчатки. Проверяю эту версию. Поджигатель дьявольски ловок — постоянно опережает меня на полшага.

— Мне остаться с Юлей?

— Отправляйся немедленно в штаб. Найди и

ненавязчиво постарайся поговорить с мичманом Никольским. Узнай, не отправлялся ли из штаба тяжелый пакет с секретными документами?.. Ситуация переменялась, ты — матрос. Флаг и гюйс поднять! Навались, ребята. Руль прямо... — Грай еще что-то говорил, но батарея в телефоне села, ни одного слова понять больше не удалось.

Глава 20 В пицце — яд!

Глеб сидел на скамейке около входа в штаб, откусывал прямо из пакета купленную по дороге пиццу, запивал квасом из бутылочки.

Первым вышел из двери дежурный по штабу, незнакомый офицер с повязкой на руке и расстегнутой кобурой. За ним вахтенный матрос вынес несколько объемистых пакетов. Следом появился сосредоточенный мичман Никольский, открыл дверцу «уазика», прозванного в городе «секретовозкой», потому что в нем на заднем сиденье оборудован сейф для транспортировки секретных пакетов. Курьер запирает пакет и ехал себе спокойно, добраться до тайн, не зная шифра, трудно — пришлось бы резать машину и сейф автогенном.

Секретные пакеты заперли в сейф.

— Счастливой дороги, — буркнул дежурный офицер и ушел вместе с вахтенным обратно в штаб.

Никольский подозрительно покосился на подростка. Сел в машину, завел мотор. На огромной лапе, сжимавшей руль, виднелась полуприкрытая рукавом наколка: «Юля». Рядом сердце, пронзенное стрелой. Мичман Никольский тайно и безответно любил Юлю.

Глеб приветливо улыбнулся, откусил кусок пиццы, продолжал неторопливо жевать, уставившись на мичмана многозначительным взглядом.

Никольский опустил стекло в машине.

— Юля просила передать вам, мичман, привет, — самым бессовестным образом соврал Глеб.

Мичман медленно отъехал от дверей. Тоска и страдания были написаны на его мужественном лице. Безответная любовь сжигала душу. Из ворот у полосатой будки свернул налево.

Затормозил, остановился. Поманил Глеба пальцем. Продолжая жевать на ходу, Глеб подошел к машине, наклонился к окошечку.

— Ты большой врун, Глеб, — промямлил мичман. — Юля меня терпеть не может, я знаю, и ни за что бы не стала передавать привет... Говорят, вы с Юлей побывали в лапах бандитов? Весь город вас искал. Юля не пострадала?

Глеб заговорил страшным голосом:

— Один отморозок схватил ее за горло вот так... И двумя пальцами полез в глаза... Бедная Юля застонала, забилась...

— А ты, детектив лопоухий, куда смотрел? Не мог защитить девчонку? — Мичман открыл дверцу. — Мне стоять нельзя, садись, по дороге изложишь подробности.

Дожевывая пищу, Глеб рассказал про Сиплого Графа, Скорохвата, пачки долларов и серебряный фрегат, про похищение Олега и безуспешный поиск в заливе на фрегате вместе с Юлей.

— Меня там не было... — с натугой промычал здоровяк Никольский.

Машина шла медленно, водитель то и дело поглядывал на часы, ехал не торопясь.

— Что плетешься, как курица? — поинтересовался Глеб.

— На пакете стоит время — вручить лично командиру крейсера «Петр Великий» ровно в четырнадцать ноль-ноль. Что я и намерен выполнить. Для этого у меня часы-хронометр на руке. Выехали мы заранее, на всякий случай имеем запас времени. Спешить не нужно.

— От кого пакет?

— Будешь много знать, скоро состаришься... От кого — не важно. Из штаба.

При слове «штаб» Глеба словно молния ударила.

— Тяжелый пакет?

— Объемистый. Документов набралось килограмма на три.

— Что в пакете?

— Вот это как раз военная тайна... Я и сам не знаю. Курьеру не положено много знать. Вручу в положенное время и поверну обратно.

— От кого пакет?

— От контр-адмирала или от кого из его штабных. Мне какая разница?

— Прежде такие тяжелые возил?

— Нет, не случалось. Да ты чего пристал с

вопросами? Хочешь военную тайну выведать?

— Нужна мне твоя тайна. Хочу тебе жизнь спасти.

— Ха, поросенок, Юлю в руки бандитов отдал... Молчи уж.

— Мичман, последний вопрос можно?

— Только последний. Надоел ты мне.

— Тебе пакет сам адмирал вручал, лично?

— Он сам никогда не занимается отправкой бумаг.

— Кто тебе дал в руки этот пакет?

— Капитан третьего ранга Орлов. И отстань, а то выкину из машины.

— Никольский, гони скорее из города, в поле!

— Это еще зачем?

— Ты везешь взрывчатку.

— Хо-хо! — ну насмешил. Мне почти каждый день Орлов пакеты вручает. Я их развожу по городу. А взрывчатку возит на грузовике матрос Крючков, когда надо. Он специально для этого обучен. И молоко получает за вредность.

— Вынь пакет, покажи, дай в руках подержать. В нем таймер должен работать.

— Вот еще, дежурный по штабу держал его и ничего подозрительного не заметил. Пакет как пакет.

Глеб посмотрел на часы — без двадцати два, ворота судостроительного завода уже показались в конце улицы. Никольский — педант, выполнит приказ в точности. Что же делать?

Неожиданно для Никольского Глеб вдруг выгнулся на сиденье, застонал, закричал, заохал, упал на бок, навалился на руль, извиваясь, заорал во всю мочь:

— А-а-а!... Оу-у-у!

Удивленный мичман затормозил:

— Что с тобой, Глеб?

Парнишка извивался змеей, рвал на груди одежду... Тихие стоны перемежались с яростными воплями, изо рта пошла пена.

— Припадок у тебя? — испугался мичман.

— Пицца отравлена... Цианистый калий... Умираю... Доктора... Доктора... — помертвевшими губами прошептал Глеб.

— Где же я тебе доктора возьму?

Мичман испугался не на шутку — а ну как мальчишка умрет у него в машине. Неизвестно, что могло оказаться в пицце, пекарь сунул какую-то дрянь и вот...

— В больницу, к доктору!... — взмолился Глеб, и натуральные слезы потекли из глаз.

Холодный пот выступил на лбу мичмана:

— Ладно, за опоздание на крейсер и самовольное изменение маршрута при перевозке секретных документов меня посадят на гауптвахту. Отсижу суток пять, не умру. Не реви, пацан, прорвемся. Мичман Никольский не из тех, кто дрожит за свою шкуру, не дам тебе умереть. Сейчас добудем доктора. — Резко развернул машину и помчался на край города, где на берегу залива находился флотский госпиталь.

Через десять минут подкатил к воротам госпиталя. Остановился, не выключая мотора, мигом подхватил Глеба на руки, бегом понес к дверям главного входа. Вероятно, у Глеба вновь начались рези, он взвыл, изогнулся, упал с рук на землю, покатился, извиваясь и стелая.

Мичману никогда не приходилось иметь дела с людьми, отравленными цианистым калием. Он не знал, как быть, заорал:

— Носилки! Санитары, дайте носилки, ребенок отравлен, умирает! — и побежал к главному входу.

Как только он скрылся за дверями, Глеб вскочил, в несколько прыжков домчался до машины, закрутил руль, пустил ее по склону в залив. Сам на ходу выпрыгнул, упал на землю и закрыл голову руками.

Из дверей госпиталя выбежали санитар с носилками и растерянный мичман.

— Ложись! — зорал им Глеб.

И в ту же секунду у края воды громыхнул страшный взрыв. Вздрыгнула земля, из окон госпиталя посыпались стекла.

Старый санитар осторожно поднялся с земли, отряхнул с головы песок и ракушки, посмотрел на здание:

— Ну точно как во время войны!

И попросил деликатно:

— Мичман, я вижу, вы добрый человек и хорошо относитесь к детям. Но прошу вас, пожалуйста, не привозите больше детей, отравленных цианидом, к нам в госпиталь. Еще два-три таких взрыва, и наш госпиталь перестанет существовать.

Никольский изумленно посмотрел на дымящуюся воронку у края воды, на остатки разор-

ванной машины, на хронометр у запястья. Удовлетворенно хмыкнул:

— Ровно четырнадцать ноль-ноль. Что ни говори, а точность — это вежливость морского офицера.

В его голове медленно, со скрипом заворочались мысли:

— Вся эта неожиданность назначалась для рубки крейсера... Там же электроника... И капитан... и я... Надо этого Орлова... головой в сортир...

— Ничего ты с ним не сделаешь, — приуныл Глеб. — Он так хитер — самому Граю не дался. Нашему детективу Виктору Крылову ногу прострелил. Если решился в пакет взрывчатку сунуть вместо бумаги — значит, собрался в бега. Наверное, уже далеко отсюда, мчится на полной скорости в машине, самолете или на катере. Такой не промахнется, каждую мелочь продумает.

Глеб позвонил Граю и сообщил о новом преступлении Орлова.

— Он загнан в угол, — ответил Грай. — Доказательства я только что положил на стол контр-адмирала. Следователь Галина Некраш объявила капитана третьего ранга Орлова в розыск. Теперь он стал еще опаснее, как обложенный флажками волк, не стоит попадаться ему на дороге.

— Мы едем домой?

— Сначала поможем найти твоего приятеля Олега.

— Признайтесь, детектив Грай, это вы — защитник несовершеннолетних островитян — старый парусный капитан в клетчатых штанах, с тросточкой и бородавкой около уха? — ехидным голосом спросил Глеб.

Детектив рассмеялся:

— Карманные часы, которые я тебе дал, отправляя в Кронштадт, смотри не потеряй. В них микрофон и маячок. Благодаря им я знаю, где ты находишься и какие разговоры с кем ведешь... — И старческим голосом прохрипел: — Флаг и гюйс поднять! Отдать швартовы... Полный ход...

Глава 21
Рисковый летчик

Олег побежал сквозь лесок напрямик к аэродрому. На опушке наткнулся на свалку металлолома. Обходя ее, подобрал железку, так, на всякий случай, чтобы чувствовать себя уверенней. На краю площадки, устланной бетонными плитами, стоял щит с надписью: «Объект охраняется собаками». Но собак не видно и не слышно. На самой площадке стояли старые самолеты — «кукурузники» с зачехленными моторами и спущенными шинами на колесах. Мимо них Олег прошел по бетонной дорожке к взлетной полосе. Там возвышалась будка авиадиспетчера, томились на жаре несколько человек, желающих увидеть Кронштадт с высоты птичьего полета. Опершись плечом на стену будки, надменная красавица Вероника двумя руками прижимала к себе дорожную сумку из желтой кожи с белой полосой.

Олег не мог понять, как Вероника могла оказаться на свободе? Ведь злоумышленники заточили ее в каменный колодец. Откуда у нее сумка, та самая, с деньгами и серебряным фрегатом? Ведь сумку, как он понял, жулики спрятали в форте Обручев? Или это сумка-двойник? А если коварная девушка каким-то непонятным образом завладела деньгами и фрегатом, то имеет сейчас возможность сесть в самолет и через четверть часа перелететь с острова на берег Финского залива. Тогда ни госпожа Шонвик, ни контр-адмирал и никто в Кронштадте больше не увидит серебряный фрегат и не разгадает тайны клетчатых флажков, потому что кораблик очутится в тайнике какого-нибудь богатенького антиквара.

Следовало действовать немедленно и решительно, как на войне. Олег знал — на фронте обычно засчитывается день за два, за этот один день он сам сильно изменился, повзрослел. Нет, он не разочаровался в людях, а стал их лучше видеть, понимать, что в них хорошего и плохого.

Человек, который привез Веронику, мужчина средних лет, узколицый, с усиками и острой бородкой, злой, ловкий, решительный, с холодным циничным взглядом. Кронштадт городок небольшой, если кого и не знаешь, то уж встречал обязательно.

«Вспоминай скорее, вспоминай, — торопил себя Олег. — Да, я видел его в кафе Дома офицеров, когда ходил туда с отцом. Он сидел за столиком, а Вероника подавала ему и старательно улыбалась. И фамилию вспомнил, Орлов, капитан третьего ранга Орлов, офицер штаба базы.

Самолетики снизились, подымая пыль, сели на аэродром. Невысокие бело-голубые машины, в каждой по одному месту для пассажира. Диспетчер принес две лесенки и помог спуститься пассажирам. Люди из очереди двинулись было к освободившимся местам. Но диспетчер энергично оттеснил их:

— Извините, у меня на это время заявка от штаба базы, полеты зарезервированы. Вам еще придется подождать. Не надо нервничать. Всего минут пятнадцать, погода отличная, позагорайте, пожалуйста.

Но люди из очереди продолжали наседать и затеяли шумный спор.

Одному Олегу с Орловым не справиться — разные весовые категории. Он стал разглядывать летчиков, попытаться найти в них союзника. Первый, постарше, остробородый, взгляд голодный, проникающим взглядом ощупывает пассажиров, наверняка алчный, с ним каши не сваришь. Второй помоложе, бородача лопатой, явно с норовом, удалец, рубаха-парень и, наверное, здорово дерется на кулаках. К такому трудно подступить, у него нет ничего святого, все трын-трава.

Здесь, на аэродроме, нет милиции, никто пилотам приказать не может — частная лавочка, частные самолеты, пилоты их сами собирали, и никто им не указ. Тут, как говорит мама, все на личном контакте — покажешься человеку, сумеешь убедить — он тебе поможет.

Спутник Вероники быстро подошел к первому летчику, опустил в кабину плотно наполненный пакет и что-то шепнул. Пилот согласно кивнул головой. Затем так же торопливо Орлов увел Веронику за диспетчерскую будку.

— Я договорился с летчиками, нас высадят на южном берегу Финского залива, там у них есть знакомые на небольшом аэродроме. Давай быстрее сумку, — и протянул руку.

— Почему сумка должна быть у тебя? Я сама повезу ее!

— Со мной будет надежнее, моя милая, я все же мужчина, профессиональный моряк.

— А я уверена — женщина надежнее, — упорствовала Вероника.

— Не надо спорить, как только приземлимся, я тебе ее верну, честное слово.

Лицо Вероники выразило отчаяние, на глаза навернулись слезы.

— Я ради тебя пошла на риск, все сделала, нашла исполнителей, сумела обмануть их, а теперь ты хочешь обобрать меня? Я видела, ты купил летчиков. Ты что-то придумал и хочешь бросить меня в воздухе? Ага, угадала, вон как глазки заметались... Тебе довериться что в клетку с тиграми войти, сожрешь с потрохами и не подавишься. Сумка поедет со мной, уберу руки. Еще полшага, и я выстрелю. — В руке Вероники блеснул маленький никелированный пистолетик.

Орлов поднял обе руки в знак того, что сдается, и взялся за лацканы пиджака. Глаза его излучали любовь, голос стал елейным:

— Надо доверять друзьям, Вероника. Зря ты стала со мной спорить, я предусмотрел и этот вариант.

Орлов резко отвернул лацкан пиджака, и в лицо девушки ударила тугая струя горчичного газа. Вероника охнула от резкой боли, выронила пистолетик и сумку, зажала глаза руками и по стенке будки сползла на землю.

Невозмутимый Орлов с усмешкой подобрал пистолетик и сумку. Но не успел сделать и одного шага, как Олег в ярости набросился на него:

— Отдайте серебряный фрегат!

Офицер резко взмахнул рукой и ударил Олега по лицу. Безусловно, юный капитан мог получить вторую шишку. Но удар пришелся уже по сияющему синим цветом «фонарю». Стало так больно, что несколько минут подросток ничего, кроме этой боли, не чувствовал.

Орлов уверенным движением закинул желтую сумку в чрево первого самолетика, сел на второе сиденье. Самолет взревел мотором и унес хитроумного офицера в небо. При этом Орлов не обернулся и не сделал никому ручкой. Он хотел уйти по-английски, не попрощавшись. На острове Котлин не оставалось ни одного человека, с которым он хотел бы еще раз встретиться.

Когда Олег приобрел способность действовать, несчастная, обманутая Вероника всхлипывала, сидя на земле рядом с ним:

— Мои глаза... мое лицо... Обобрал, подлец, как...

Первый самолетик уходил вдаль и был уже размером не больше чайки.

Ко второму самолетику диспетчер приставил две лесенки сразу и пытался помочь даме весьма солидных размеров, с багровым от натуги лицом, забраться в кабину. Пилот нагло смеялся над ней и говорил колкости. Олег вскочил на ноги, подбежал ко второму самолетику и оттолкнул заслуженную даму без всяких церемоний:

— У меня нет денег на билет, но сейчас должен полететь именно я.

У дамы оказался резкий высокий голос:

— Безобразие. И здесь нет порядка. Я буду жаловаться.

Диспетчер начал отталкивать Олега:

— Место нищих на паперти, а не на аэродроме.

Пилот глянул на багровый синяк, присвистнул удивленно:

— Ну, малыш, тебя сегодня отделали. Твой синяк достоин восхищения. Наверное, ты здорово дрался? На вот тебе на глаз темную повязку со свинцовой примочкой, перевяжи глаз и завтра снова станешь видеть свет.

Олег на лету подхватил повязку и, пока его не прогнали, затараторил:

— Вы знаете, в городе ограблен валютный пункт.

— Так им и надо, жуликам, — прокомментировал пилот.

— Из дома контр-адмирала украдена статуэтка, серебряный фрегат.

— Ну, у этого в загашнике наверняка найдется что-нибудь поценнее, — цинично заметил пилот.

— Украден сын следователя милиции.

— Это проблема самой милиции. Может, ты отойдешь, мне надо зарабатывать на жизнь. Наши дети тоже кушать хотят, — и пилот с равнодушным видом отвернулся.

— Загляните туда, за диспетчерскую будку, — в отчаянии вскричал Олег. — Там лежит девушка Вероника. Тот тип, что улетел на первом самолете, облил ей лицо каким-то ядом и ограбил. Я хотел схватить его.

При слове «Вероника» пилот тут же вскочил с сиденья:

– Ты говоришь про Веронику, которая служит в офицерском буфете?

– Именно о ней, разрази меня молния.

– Она – моя первая любовь... – Пилот одним прыжком выбрался из своего самолета, подбежал к распростертой на земле девушке.

– Красавица Вероника, мисс Кронштадт, ты так добра к нам, молодым мужчинам, кто же посмел тебя обидеть?

– Орлов обидел, – всхлинула девушка. – Все лицо мне сжег. Деньги отобрал... Помогите...

– Какой негодяй!.. Я предупреждал, не водись с ним... Диспетчер, прямой глаза девушке и вызови скорую помощь... Малыш, как тебя зовут... Олег? С этой минуты – ты боевой летчик. Мадам, отойдите, мы летим с молодым человеком. Пушки и пулеметы к бою.

– Но моя очередь, – настаивала женщина.

– Мадам, у меня в кабине металлический трос, толщина четыре миллиметра. На конце петля. Трос подготовлен для проведения авиационного праздника. Петлей этого троса я намерен выудить пассажира из первого самолета. Смертельный трюк. Пассажир – профессиональный военный и станет отстреливаться. Вы готовы помочь мне, мадам?

Женщина поправила себе прическу и с восторженной улыбкой посмотрела на Олега:

– Пусть с вами теперь летит этот отважный молодой человек, отмеченный, судя по печати на лице, самим Зевсом. Я подожду немного. И стану рассказывать своим знакомым о вашей смелости. Надеюсь, вы не разобьетесь при этом и я не проторчу тут понапрасну?

Пилот посмотрел в сторону залива, где маленькой точечкой висел в небе первый самолет.

– Доллары я бы простил Орлову. Но лицо божественной Вероники – никогда... Садись, боевой летчик, в кабину и готовься к большой драке.

Самолет задрожал, помчался по бетонным плитам, несколько раз подпрыгнул и резко пошел вверх. Небо не испугало, а даже обрадовало Олега. На большой скорости воздух стал плотным, казалось, по нему можно побежать босиком.

Из-за гула самолета стало трудно разговари-

вать, приходилось орать, но новые друзья вполне понимали друг друга.

– Мы их можем догнать? – волновался Олег. – Нельзя ли еще скорости прибавить? Они съедут где-нибудь на берегу...

– Догнать мы не сможем, но и не отстанем. Они пошли в залив. Там сесть негде. Дают круг... Ищут что-то... Вот мы и догнали... Смотри, от форта Тотлебен отходит скоростной катер, мчится в залив... Самолет меняет курс... Снижается...

Олег высунулся из кабины, ветер трепал волосы, забивал рот и горло, стало трудно дышать. Зато теперь сам видел, как по волнам мчался большой катер, оставляя позади шлейф из пены и водяной пыли. Первый самолетик сбавил скорость, догнал катер, завис – они пошли на одной скорости. С самолета в катер плюхнулась желтая сумка. Затем ловко прыгнул человек. Самолетик тут же взмыл вверх и повернул назад, пилот свои деньги отработал. Первый пилот махнул рукой второму. Но тот не ответил, смотрел вниз упорно и сердито.

– Пилот же не знал, что в сумке Орлова краденые доллары и серебряный фрегат мадам Шонвик, – пытался оправдать летчика Олег. – А если нам связаться с пограничниками?

– Нет у меня с погранцами связи, только со своим авиадиспетчером. Да и тот не сумеет связаться с границей. Надо самим что-то делать. Ведь уйдет за границу пес паршивый.

– Опускайтесь вниз, я тоже прыгну в катер, – предложил в отчаянии Олег.

– Ты с ума сошел? Ведь он же взрослый, тренированный человек, профессиональный моряк.

– У меня отец – старпом на «Гангуте». По его линии все моряки, и я тоже воды не боюсь. А по маминой линии все судейские. Я его задержу.

– Да он же тебя... понимаешь?

– Мы уже догнали... Спускайтесь вниз, а то так прыгну.

– На такой скорости вода как железо... Я сейчас спущусь ниже и попоугаю их. Может, катер остановится.

Самолет опустился низко-низко и на бреющем полете прошел над самым катером.

В катере не обратили на спортивный самолет никакого внимания. Не сбавляя скорости, он уходил в открытое море. Придав желтую сум-

ку ногами, Орлов сидел на заднем сиденье и смотрел вверх. Он не боялся невооруженного самолета, но бдительности не терял, мало ли что мог придумать пилот?

Самолет сделал новый круг. Опустился, стал догонять, медленно-медленно догонял. Неужели опять пугает? Вот самолет пошел над самым катером, кажется — вытяни руку, можно ухватиться за колесо. Орлов пошарил глазами по кабине — этот нахальный самолет можно сбить палкой! И тут на глазах изумленного капитана третьего ранга из кабинки выбрался подросток, мальчишка, тот самый нахал, которому на аэродроме пришлось дать в глаз. И этот щенок не раздумывая прыгнул прямо в катер, на свободное место рядом с Орловым! Самолет тут же взмыл вверх.

— Тебе жить надоело, щенок! — заорал офицер. — Что ты здесь забыл?

Олег ничуть не заробел под грозным взглядом:

— У вас в желтой сумке серебряный фрегат «Штандарт», привезенный старушкой Шонвик из Голландии. Он украден из дома контр-адмирала Пенина.

— Ты сумасшедший!

— Шонвик привезла кораблик, чтобы он хранился в Кронштадте у командира фрегата. Сейчас я капитан «Штандарта». Верните мне реликвию.

— Ты откуда взялся, зануда? — окончательно вышел из себя Орлов. — Тебя должны были спрятать связанного на форте Обручев, на дне артиллерийских погребов.

— Меня действительно связали и затащили туда. Но я сумел распутать и веревку, и проволоку. Вернулся на Котлин в пустом холодильнике. Сел в него и греб, как на байдарке.

— Забавно, — хмыкнул Орлов. — Мы бы могли подружиться с тобой.

— Так признаете, что фрегат у вас?

— Я бы тебя придушил, да руки марасть неохота.

— В этой сумке и так много пачек долларов. Вы теперь богаты. Зачем вам еще серебряный фрегат?

— А затем, — снова вышел из себя Орлов, — что я своего никогда не упущу. Затем, что контр-адмирал Пенин мне всю карьеру сломал! Не по душе ему предприимчивые, энергичные офицеры, понимающие толк в бизнесе. Это моя месть ему!

— Так вот для чего вы фрегат украли.

— Про серебряный фрегат известно самой королеве Нидерландов. О его пропаже должно быть доложено нашему президенту. Вскоре он приедет в Кронштадт посмотреть на первый в стране кадетский корпус и обязательно спросит про серебряный фрегат. Президенту доложат — командующий базой унес его домой и реликвия пропала. Тут молодцу припомнят другие грехи и отправят в отставку. Я в это время в Эстонии телевизор буду смотреть и из последних новостей узнаю об этом. Ха-ха-ха! — истерично выкрикнул Орлов. — Да еще с крейсером «Петр Великий» у него будут неприятности. — Его рубка взорвана ровно в четырнадцать ноль-ноль. Можешь не сомневаться.

Глаза офицера стали почти безумные, он схватил подростка за куртку и с диким криком вышвырнул за борт.

Рулевой катера, человек флотский, увидел, что человек выпал за борт, мигом сбросил скорость, заложил крутой вираж и стал рядом с пловцом. Любому понятно — на такой скорости вылететь с катера — самый опытный моряк может растеряться, потерять сознание от удара.

— Ты зачем остановился? — толкнул в спину рулевого Орлов. — Получил деньги — крути баранку.

— Детей топить мы не договаривались.

На поверхности воды показалась голова подростка. Он упал в воду сгруппировавшись, как мячик, сумел остаться невредимым, и даже черная повязка на глазу сохранилась. Переведя дух, юный капитан из пены и волн крикнул:

— Объявляю вам выговор, Орлов!

Капитан третьего ранга рухнул на сиденье и ткнул стволом пистолета в спину водителя катера:

— Посмотри на эту одноглазую образину — вылитый адмирал Нельсон. Чтобы его потопить — нужна эскадра... Пошел, теперь нас не поймают, граница близко.

Водитель, не желая принять грех на душу, швырнул Олегу спасательный круг:

— Держись, тебя подберут. — Включил мотор, и катер, вспенив воду, помчался дальше в открытое море.

Сверху, с самолета, красный спасательный круг и человек внутри него были едва видны среди мутных волн. Пилот сделал круг, другой,

боясь отлететь в сторону и потерять мальчишку из вида, — потом устанешь искать... Ни одного судна не было на горизонте — ни пассажирского, ни сухогруза, ни рыбака. Фарватер, по которому они ходили, был гораздо севернее, а сюда, где раскинулась огромная отмель, заходили только рыбаки да пограничники.

Олег хорошо знал — с этого места до берега ему не доплыть. Сколько сможет продержаться, пока не потеряет сознание от усталости и холода — неизвестно. Когда он плыл с форта Обручев на остров, то не боялся, потому что ясно видел берег. Теперь вокруг была одна вода — равнодушные безжалостные волны — настоящее море. Бескрайнее море. И он — маленькая песчинка в безбрежной глади воды. Самолет где-то вверху жужжал, как муха. Высоко до него — не дотянешься. Олег снял повязку с глаза и привязал себя за ремень к спасательному кругу. Вырвет, отнимет волна круг — не догонишь. И минуты твои — сочтены. Подросток ничего не мог с собой поделывать, мозг переставал ему подчиняться, с головой начинало твориться непонятное — человек еще здоров, силен, и в то же время ощущал дикий ужас от сознания, что внизу под ним темная, страшная вода. Волны поиграют с ним час-другой, и немая, бездушная бездна легко захватит ослабшее, остывшее тело. Так уходят от нас моряки.

Но упрямый летчик не хотел бросать своего отчаянного пассажира. Продолжал кружить над ним. На четвертом круге из кабины пилота вниз полетел тонкий металлический трос с петлей и грузом на конце — тяжелым разводным ключом. Пилот сверху внимательно наблюдал за тросом. Веревка, сброшенная с высоты, тянулась бы сзади хвостом. А тонкий трос легко разрезал воздух и висел почти отвесно. Самолет висел в воздухе на высоте двести метров, сколько хватало длины троса, и петля почти касалась гребней волн.

Олег поднял голову, увидел над собой трос, петлю, ключ и понял — еще не все потеряно. Пилот старается его спасти. Юный моряк выпростал руку из воды и помахал, дал понять — готов принять помощь.

Пилот прицелился поточнее и, решившись, круто положил самолет на крыло, стал описывать небольшие круги, чтобы петля и ключ

практически повисли над головой мальчика. Мотор выл от напряжения, у него самого голова закружилась от перенапряжения.

Трос на какое-то время практически завис внизу, почти над спасательным кругом, неторопливо вращаясь. Пока он не стал раскручиваться, надо набраться смелости, попробовать поймать его. И мальчик решил рискнуть. Одним рывком сорвал повязку с круга, оттолкнулся от него, как мог выше выпрыгнул с поднятыми руками и... промахнулся. Трос начал раскручиваться — делать круги шире и быстрее. Мальчик еще сильнее рванулся из воды, двумя руками схватил за разводной ключ... Пилот не успел обрадоваться, мокрые руки соскользнули с гладкого железа, и мальчик рухнул в воду. Теперь он плыл сам по себе, в стороне от спасательного круга.

Самолет завывал на предельных оборотах, пилота мутило, он едва держался, сжав зубы, повторял: «Пацан внизу, пацан в воде...» Трос стал раскручиваться еще шире, разводной ключ набрал скорость и стал опасен. Но мальчик не потерял уверенности. Отплыл от спасательного круга еще дальше, на орбиту троса, заработал ногами изо всех сил, выпрыгнул до пояса и одной рукой поймал петлю троса.

Пилот почувствовал рывок, но не позволил себе обрадоваться — мальчишка болтался внизу, как лягушонок на веточке, в любую секунду мог сорваться. Разводной ключ теперь мешал ему. Осторожно, чтобы не сделать рывка, пилот стал выравнивать самолет. Мальчик не мог подтянуться на одной руке, не хватало сил. Но с третьей попытки сумел ухватить петлю двумя руками. Повисел, страшась взглянуть вниз, изогнулся и сумел засунуть в петлю ногу. Попробовал подтянуться выше, но тонкий металлический трос невозможно сжать в руке. Так и висел вниз головой, держась за петлю двумя руками и ногой.

Пилот знал, как немеет и теряет силу побывшее в воде тело, как сильно режет тонкий трос, как трясется самолет и дергает петлю, как на ветру коченеют и стынут мокрые руки и ноги. На глазах пилота, может быть от встречного ветра, появились слезинки, и он закричал, словно надеясь, что мальчик услышит его:

— Держись крепче, родимый, тут недалеко, я знаю, где дежурят пограничные катера! Мы

быстро домчимся. Не вздумай сорваться, второй раз я тебя не поймаю.

Два пограничных катера стояли борт о борт в море, дежурили в своем обычном месте, оглядывали горизонт, прослушивали эфир. Командир первого катера окликнул своего приятеля:

— Смотри, к нам стекляшка бежит на воздушной подушке, хорошо бегаёт, черт.

Катер на воздушной подушке, с кабиной из стекла, подошел к ним почти вплотную, выключил вентиляторы и пропеллер на корме. Тотчас вышел воздух из-под резиновой юбочки, катер сел на воду.

— Прогуляться решили, ребята? — спросил командир первого катера.

— Мальчишку в Кронштадте украли, куда-то увезли, спрятали. Контр-адмирал велел все форты осмотреть и найти.

— Сразу видно по кислым рожам — никого не нашли. Вас только в лес за грибами посылать.

— За грибами мы ходим, попозже. А вот если вы мальчишку прозевали и его мимо вас провезли, получите на орехи. Милиция на ушах стоит, весь Кронштадт перерыли, нигде его нет.

— Может, мальчик шутник — сидит где-то в тихом месте, ест клубничное мороженое, а мы тут...

В это время пограничник, смотревший в сильный морской бинокль, доложил:

— На горизонте появился самолет, легкий, спортивный...

Все стали смотреть, куда показал наблюдатель.

— Это тот, маленький, который город сверху показывает... Зачем же он сюда забрался?

— Заблудился, сейчас дорогу домой спросит.

— Он что-то несет на тросе... Над самой водой, не разобрать что...

Наблюдатель забрался на стеклянный купол катера:

— Да это же человек, мальчишка... Он едва держится, руки обрываются... Он же насмерть разобьется о воду...

— Все к нему!

Взвыли моторы, катера помчались навстречу самолету.

Видели пограничники, как пытается подтянуться мальчишка, ухватиться крепче руками за трос, да недостает у него силенок, ослаб, руки

сорвались, так и повис, держась одной ногой.

Разошлись катера в стороны, остановились. Но как снять мальчика? Ведь на скорости вода тверда как камень! Самолет сделал разворот, закружил по небу, и мальчик стал летать по кругу.

— Прыгай! — орали пограничники,

— Прыгай! — надрывался летчик. — У меня керосин кончается.

Но не слышал их мальчик, не понимал, силы его кончились.

Тогда пилот порывлся в инструменте, скрепя сердце перекрестился кусачками да и перекусил ими трос. И тот со свистом пошел вниз вместе с мальчиком. Секунд уже не осталось. Остались доли секунд. Никакой командир, даже самый наилучший, за это время не успел бы дать ни одной команды. Каждый из пограничников молча, быстро и ловко делал свое привычное дело. Катера рванули к мальчику. Первым успел катер на воздушной подушке, у него нет винта под водой, и его водитель не боялся намотать трос на винт. Катер еще не остановился, а один солдат прямо в гимнастерке и ботинках прыгнул в воду. На глубине поймал мальчика за волосы, стал изо всех сил тянуть вверх, старательно отпихивая трос, чтобы тот его не опутал и вместе с ребенком не утащил на дно. Трос был тяжелый, и вытащить вверх мальчишку не удавалось. Другой солдат схватил багор и на глубине подцепил приятеля за ботинок. Так их и вытянули обоих.

Мальчик лежал в каюте. В лице ни кровинки. Ладони изрезаны и кровоточат, глаза закрыты. Но все же дышит и силится что-то сказать.

— Чаю ему из термоса. И в госпиталь немедленно.

— Самолет над нами кружит. Не улетает, крыльями машет

— Что ему надо? Может, сердчает, что его трос утопили?

— Пилот высовывается из кабины, рукой машет, зовет, мол, за мной.

— Командир, что-то там неладно, надо идти за самолетом.

— Хорошо, толкай машину, пойдем посмотрим, в чем дело.

Глотнув горячего чая, Олег ожил, открыл один глаз.

— Лежи и молчи, — велели ему. — Тебе, акробату, нужно теплое место надрать, что удумал — на тросе над заливом кататься.

— За... за... ним, скорее, — просил чуть слышным шепотом Олег.

Командир склонился над его губами и кое-что стал понимать.

— Мы еще обгоним твой самолетик... А там что-нибудь интересное, не зря пробежимся?

— Офицер штаба Орлов бежит за границу, деньги увозит и серебряный фрегат, украденный у контр-адмирала. Он хвастал, что взорвал крейсер...

— А ты не врешь, заноза? — присвистнул командир.

Катер приподнялся на воздушной подушке, загудел на корме двигатель на полную мощность, лопасти винтов превратились в невидимый круг и, оставляя за собой километровый шлейф из белой водяной пыли, помчался, не обращая внимания ни на волны, ни на мели, не отставая от самолета.

Олег тронул командира за рукав.

— Он увидит вас и выкинет желтую сумку с белой полосой. В ней весь секрет. Все деньги и кораблик.

— Когда нас увидит, поздно станет, не успеет глазом моргнуть. Елгин, приготовься сделать предупредительный выстрел.

И уже передавал командир летящего катера по радио:

— Нахожусь в квадрате... Следую курсом... Вижу катер, уходящей на большой скорости в чужие территориальные воды...

Олег видел, как ефрейтор Елгин достал из чехла снайперскую винтовку с лазерным прицелом, погладил ладонью, попросил:

— Не подведи, милая, ладно?

Загнал патрон в патронник, приклад прижал к плечу, доложил командиру:

— Вижу две головы. Сейчас заставлю их лечь на днище. Наш катер летит ровнехонько, их катер тоже как стрела. Должно получиться.

— Лишние дырки в головах не делай.

Ничего не ответил ефрейтор, старательно прицелился и нажал на спусковой крючок. Катер на воздушной подушке летит над водой, как птица, удобно с него стрелять. Раздался хлопок, из ствола вырвался огонь и дым. Гильза из

винтовки ударила в борт, срикошетила, упала на руку Олегу. Она оказалась горячей, Олег быстро сунул ее в карман на память.

После первого выстрела Елгина над катером беглецов взлетела вверх офицерская фуражка, закувыркалась и упала в воду. Головы дезертиров мигом юркнули вниз. Но катер хода не сбавил.

— Молодец, — сказал сержант. — Стрельни еще для остратки.

Ефрейтор сделал два выстрела подряд. От первого беззвучно лопнуло ветровое стекло катера. От второго — раскололся руль. Катер беглецов запетлял, теряя управление и скорость. Над кормой показался краешек желтой дорожной сумки.

— Дави сумку, не давай рук поднять! — заторопил сержант.

— Бах! — дернулась снайперская винтовка. Пуля ударила в край сумки, и та рухнула обратно в катер.

— Бах! Бах! — не давал снайпер беглецам поднять голову, стрелял по краю борта. А тут уже и догнали пограничники дезертиров.

— Руки за голову! — заорал сержант, наставив на них автомат. — Не шевелиться!

— Эх, я дурак, — выругался водитель катера и плюнул в сторону Орлова, — связался с тобой, подлецом, — тоже поднял руки и положил на опущенную голову.

Последнее, что запомнил Олег — желтая дорожная сумка с простреленным углом, лежащая на дне катера. Дальше он ничего не помнил, нащупал в кармане гильзу от настоящей снайперской винтовки и уснул крепким, целельным сном.

Глава 22

Гонки на предельной скорости

Глеб встал со стула и уступил свое место сержанту Никольскому — следователь Зотов открыл дело о взрыве штабной машины-секретовоза и допрашивал подростка как свидетеля, мичмана — как участника происшествия.

— Можно мне от вас позвонить своему шефу Ярославу Граю? — спросил Глеб.

Частный детектив сразу откликнулся:

— У тебя все в порядке?

— Следователь Зотов меня измучил, но я схожу в столовую и через полчаса буду готов получить новое задание.

— Я сейчас занят — помогаю местному уголовному розыску схватить помощников Орлова, любителей острых ножинок, с которыми мы виделись в мрачном переулке на окраине города. А ты вот что сделай — узнай в штабе адрес мадам Шонвик, она меня сильно заинтересовала, навести ее и спроси, не соблаговолит ли она встретиться со мной?

Узнав адрес, Глеб побрел по улице Зосимова, высматривая дом тринадцать — городскую гостиницу. Путешествие совершенно неинтересное, улица пуста. Посмотрел прямо — далеко впереди маячили две фигуры — высокий мужчина деликатно подхватил под локоток элегантно одетую старушку, распахнул перед ней двери и ввел в парадную. Посмотрел налево — лысый тип с каменным лицом выгуливал здоровенного добермана.

Однако впереди что-то случилось — рослый мужчина быстро вышел обратно на улицу, оглянулся и торопливо зашагал по улице. Следом за ним из парадной выкарабкалась старушка, но уже несколько в растерзанном виде: всклокочена прическа, расстегнута сумочка, набок съехала юбка. Старушка беспомощно оглядывалась:

— Полис!.. Полис!..

Глеб мгновенно взбодрился, подбежал:

— Я полиция. В чем дело, мадам?

— Мани, мани... — она показала, как у нее выхватили деньги из сумочки.

— Кто, мадам?

Она показала на торопливо уходящего мужчину. Даже со спины было видно, что мужчина высок и силен, явно спортсмен. В таких случаях, как говорил детектив Грай, для задержания силачей следовало искать напарников. Глеб обратился к хозяину собаки:

— У мадам Шонвик из Нидерландов только что отнял деньги вон тот мужчина. Глядите, он с шага перешел на бег. Я хочу его преследовать. Вы не составите компанию?

Лысый ударил себя ладонью по бедру, подзывая собаку, взял ее на поводок, и они втроем побежали за удирающим жуликом.

Желая показать себя с лучшей стороны перед границей, Глеб бежал изо всех сил, благо ули-

ца под вечер была пустынна и никто не мешал. Лысый здорово пыхтел, но не отставал, ему помогала собака, сильно тянувшая поводок. Но как они ни старались, расстояние до преступника не сокращалось, а увеличивалось. Он явно уходил от преследователей.

Оглянувшись, жулик свернул на улицу Володарского. Когда погоня примчалась к повороту, того и след простыл. Отдышавшись, Глеб с горечью признал:

— Если он вошел в один из этих домов, нам его не найти. Не обходить же все квартиры?

Собака с немим вопросом посмотрела на хозяина — куда делся беглец? Тот пожал плечами.

И все же Глеб не спешил сдаваться, минут десять рассматривал окна в домах — не отодвинется ли где занавеска? Не выглянет ли жулик, чтобы посмеяться над преследователями. Но ни одна занавеска не шевельнулась, никто не хотел смотреть на благородных защитников иностранных гостей.

Глеб вздохнул и собрался уйти. В ту же минуту из дома на противоположной стороне улицы вышел мужчина средних лет. Лицо его было почти полностью скрыто повязкой — зуб болел. К тому же их беглец был в пиджаке, а этот в белой рубашке и нес сверток. А у жулика в руках ничего не было.

— Это наш беглец? — неуверенно спросил Глеб у своего напарника.

Тот пожал плечами: не знаю. И собака его не подала голос.

— Что ж, спасибо за помощь, — поблагодарил Глеб своего добровольного помощника. — Вы здорово бегаете, и собака у вас, как лев. Жаль, что это были пустые хлопоты.

Мужчина развел руками: что поделаешь.

В этот момент тип, который вышел из дома на противоположной стороне улицы, подошел к углу и нос к носу столкнулся с ограбленной старушкой. Он отпрянул в сторону, а женщина довольно громко закричала:

— Полис... Полис... — и протянула руки к мужчине, чтобы схватить. Тот сделал хороший рывок и побежал по улице Зосимова направо. Повязка на лице жулика растрепалась, и Глеб ахнул — это же Скорохват!

Взъерошенный Глеб призывно махнул рукой хозяину собаки:

— У нас есть еще шанс! — И они побежали вдогонку. С ходу выскочили на улицу Зосимова и увидели, что Скорохват, а это был именно он, уже включил третью скорость, мчался во весь опор. Пот градом лил с преследователей, но они отставали все больше и больше. Никогда еще Глеб не видел, чтобы люди так резво носились по улицам. Еще минута, и жулик потеряется из вида, станет для них недостижимым.

— Уйдет! — взвыл Глеб. — Пускайте собаку.

Лицо и лысина мужчины от усердия налились алым цветом. На ходу он отстегнул поводок и произнес единственное слово за вечер:

— Фас!

— Гав! — так же односложно ответил доберман, понял. И, царапая асфальт когтями, огромными прыжками кинулся за жуликом. Сквозь пот, застилавший глаза, Глеб увидел — могучий пес догнал Скорохвата, с ходу ударил в спину лапами и грудью.

Скорохват, проделавший свой коронный трюк с зажиточной старушкой и уверенный, что ни один человек, ни одна собака в Кронштадте его не догонит, уже ощущавший тепло тугой пачки долларов в кармане и поэтому считавший себя спасенным, метра три пролетел по воздуху и столько же потом проехал по дороге. Грозный пес стал над ним, схватил зубами за горло и грозно рычал, так что преступник не смел и пошевелиться. Глеб и его напарник перешли на шаг. А когда остановились около Скорохвата, доброволец вдруг схватился за сердце, побледнел и упал на асфальт.

Глеб растерялся: что ему делать? Но помощь была уже рядом. С улицы Вишневого вылетел патрульный милицейский «уазик». Из него сыпанула милицейская гвардия, безумно уставшая за долгий день поисков. Милиционеры мигом надели на обоих лежавших наручники.

— Чем больше наберем, тем лучше, — крикнул заместитель начальника уголовного розыска Михалыч, который включился в поиск детей сразу после дежурства и поэтому не смыкал глаз уже двое суток.

Грозный пес не сразу понял, отчего лежит на земле его хозяин и что нацепили ему на руки незнакомые люди. А когда верным собачьим сердцем понял, что с хозяином случилась беда, бросил на произвол судьбы Скорохвата и

встал на защиту хозяина, да так энергично, что милиционерам пришлось отойти на почтительное расстояние.

Скорохват откатился подальше от страшного зверя и поднялся на ноги.

— Осторожно, у него в кармане граната, — предупредил Глеб.

Найдя гранату, Михалыч повеселел:

— А я думаю, кто это продавцов в ларьках пугает? Пойдем к нам в гости, пришло время поговорить по душам. Залезай в машину.

Глеб быстро рассказал, как был схвачен Скорохват.

— Нам к твоему напарнику не подойти, добермана даже выстрелы не испугают, — огорченно покачал головой Михалыч.

К месту событий подоспела госпожа Шонвик. Взглянув на лежащего человека, сразу поняла, в чем дело, не обращая внимания на собаку, подошла к нему, достала из сумочки таблетку и положила под язык. Доброволец открыл глаза, зашевелился. Старушке бросили ключи, она сняла наручники. Победитель грозного Скорохвата поднялся, отряхнул одежду и смущенно посмотрел на милиционеров.

Михалыч извинился перед ним за надетые наручники, за усердие усталых коллег, но тот лишь махнул рукой, говорить не о чем. Хлопнул ладонью по ноге, и дисциплинированный пес тотчас стал рядом.

— Молодец, — похвалил его лысый.

— Гав, — односложно ответил пес, что означало — и ты не сплеховал.

Глава 23

Бой на палубе крейсера

За день до праздника все корабли, участвующие в параде, пришли в Купеческую гавань. В десять утра Игорь Пенин появился на причальной стенке. Увидев фрегат «Штандарт», с трудом подавил возникшую внутри дрожь. Очень ему хотелось выглядеть уверенным. По металлической лесенке скатился вниз, на палубу. На стук ботинок вылез из кубрика Олег. Смутились и покраснели оба. Гость первым взял себя в руки:

— Я пришел поблагодарить тебя и Глеба за

спасение нашего дома от пожара. Мне следовало сделать это еще в ту самую ночь. Мама спасала свои драгоценности, папа — документы. Я был мокрый, жалкий, растерянный да еще с пожарной лестницы позорно свалился — в общем, не мог двух слов связать. Да и схватили вас как поджигателей и увезли в милицию. Теперь все выяснилось. После праздника родители заедут к вам с официальным визитом, папа готовит подарки.

— Не стоит благодарностей, — буркнул Олег.

— Еще как стоит. Дом мог совсем сгореть. Строить новый — огромные деньги. Еще вы спасли отца от позорной отставки. Или от тюрьмы. Если бы Гена сгорел у нас в гостиной, неизвестно, что могло бы произойти.

Краснея и запинаясь, Игорь спросил, сгорел ли Юлин портрет?

— Дался тебе этот портрет, — с досадой ответил Олег. — Сколько натерпелись из-за него. Неужели оригинал хуже?

Игорь необычно, особенно усмехнулся:

— До пожара я был молод, глуп и ничего не понимал...

За сутки усилиями мамы и Юли внешность и здоровье Олега были кое-как приведены в порядок. Распухшая правая нога, которой он держался за стальную петлю, после компресса запросто вошла в широкую брючину. Лопнувшую на ладонях кожу мама смазала отваром из целебных трав, и раны за ночь покрылись тоненькой кожей. Только черную повязку на лице пришлось оставить, глаз еще не открывался.

Юля сшила брату костюм, какой носил капитан-командор Шонвик. Костюм оказался в самый раз. Хотела сварганить и треуголку, но Олег от нее категорически отказался, не хотел расставаться с отцовской фуражкой, утерянной и вновь найденной в яхт-клубе:

— Пусть стара, помята, козырек треснул, но — отцовская, и прошла через пять морей и один океан. Настоящая, флотская, греет душу.

Экипаж фрегата составили из четырех человек. Капитан — Олег, старший офицер — Глеб, матрос и кок — Юля. Четвертым взяли бомжа Гену Бобракова.

Рано утром, в день праздника, опираясь на

костыль, оберегая от беспокойства ногу, простреленную злодеем Орловым, Виктор Крылов сам сумел спуститься с крылечка особняка и сел на заднее сиденье в зеленую «Ниву». Ярослав Грай вместе с раненым помощником приехали в Кронштадт. Забрали в гостинице госпожу Шонвик и вместе с ней прибыли на пристань в Усть-Рогатку, где в Петровской гавани стояли украшенные флагами военные корабли. Там на самодельных трибунах было уже полно гостей. Моряки ровным строем стояли на пристани.

Ровно в десять утра явился контр-адмирал, поздоровался с экипажами. «Ав-ав-ав-ав!» — дружно ответили матросы. Ни одного слова не понять, но чувствуется — настроение хорошее. Командующий произнес короткую речь и поздравил с праздником. «Ура! Ура! Ура!» — ответили экипажи. Контр-адмирал вместе с другими руководителями города прошли в Петровский парк, возложили венок к подножию памятника основателю города и Военно-Морского флота. Затем переместились на берег гавани, где стояли длинные скамейки.

Детективы сели рядом с госпожой Шонвик, с которой Грай уже успел подружиться. Грай говорил по-английски, и гостья обрадовалась приятному собеседнику. Она даже достала из сумочки и показала фрегат, который потребовала назад после истории с похищением. Единственное неудобство беседы состояло в том, что к госпоже Шонвик, в целях безопасности реликвии, были приставлены два устрашающего вида охранника в камуфляжной форме. Они стояли сзади и дышали в затылок.

Игорь Пенин сидел рядом с отцом. Он был сосредоточен на том, что происходило внутри него самого, поэтому почти не слышал звуков духового оркестра, не замечал морского парада — проходящих мимо боевых кораблей. Смутно видел, как на ботике с лихими гребцами приплыл и первым высадился Петр Великий, приветствовал всех поднятой вверх шпагой, как зрители встали и ответили громким «Ура!». Как из ботика вышли Екатерина и светлейший князь Меншиков, первый строитель Кронштадта, как на катере подкатили тридцать три богатыря с дядькой Черномо-

ром... Он очнулся, когда в гавань вошел фрегат «Штандарт», на палубе которого стояла в шортиках и полосатой маечке, с пушистыми, золотыми от солнца волосами, матрос Юля. Тоненькая, гибкая, гордая, самая обаятельная на свете девушка... Ловко маневрируя, Олег сумел подвести фрегат к пристани, подошел к царю, поклонился и сказал, что фрегат готов стать лидером Кронштадтской эскадры и стоять на защите крепости. Обернулся к госпоже Шонвик и пригласил на борт.

Сердце мадам Шонвик дрогнуло — она увидела то, ради чего ехала в такую даль — корабль своего легендарного предка, пусть даже в уменьшенном, забавном виде. Значит, капитан-командора Шонвика не забыли в России! Отважные мальчишки выстроили корабль и ходят в море... Вот фрегат на плаву, готов выйти в рейс.

— Почему у юноши повязка на глазу? — спросила Шонвик Грая.

— Мальчишка едва не лишился глаза, сражаясь за серебряный кораблик, — ответил детектив. — Отважнее этого мальчишки я в жизни не видел. Из него выйдет настоящий капитан.

Неделю назад мадам Шонвик приехала в Россию тихая и дисциплинированная — переходила улицу только на означенном месте и всегда ждала зеленый свет, даже когда машин и в помине не было. События последних дней быстро закалили ее характер. Она встала, оттолкнула пытавшихся задержать ее телохранителей, неторопливо прошествовала на пристань. Трибуны замерли, умолк оркестр. Старушка стала перед Олегом, поклонилась ему по-русски в пояс, поцеловала в забинтованный глаз. Оглянулась на зрителей, махнула рукой, произнесла несколько слов, которые можно было перевести как: «Эх, где наша не пропадала», рванула застежку на сумке и прилюдно подарила Олегу серебряный кораблик, чтобы он жил в России, как было завещано ее далеким предком. Зрители встали и устроили мадам Шонвик овацию. Оркестр грянул туш.

Игорь Пенин подбежал к Олегу, как бы шутя отдал честь:

— Господин капитан-командор, вам срочный

пакет от контр-адмирала Пенина. — Вручил большую, плотно упакованную книгу. — На словах велено передать — нужно немедленно отходить, сейчас начнется высадка десанта и рукопашный бой. Нас сомнут.

Рядом несколько раз сильно рвануло, густой дым начал заволакивать пристань. Десант вел артподготовку.

Олег закашлялся:

— Ну, любитель выставок, пойдешь с нами на форт Обручев?

— Сочту за честь.

Придерживая фуражку, Олег прыгнул на палубу, за ним, как кошка, сиганул Игорь.

— Поднять паруса, уходим в море! — скомандовал Олег.

Игорь, улыбаясь, посмотрел на небо, паруса, воду, спросил, обращаясь сразу ко всем:

— О чем можно мечтать в такой день?

— О таинственном острове, — ответил Глеб.

— О сытной помойке, — хохотнул Гена.

— О кораблях и море, — отрезал Олег.

— О ромашках и колокольчиках, — улыбнулась Юля.

Игорь поколдовал над прикрепленной к поясу сумкой, извлек из нее букет — полевые ромашки и колокольчики. Лицо Юли озарилось волшебным светом и стало прекрасным.

— Пойду поставлю цветы у себя в каюте в вазу, полевые ромашки такие нежные, — сказала Юля.

— Помогу налить воду в вазу, — отправился вслед за ней Игорь.

Через некоторое время Гена флегматично заметил:

— Не знаю, как долго можно наливать воду в вазу. Но чувствую, обеда не будет. Они просто целуются там.

Шестивесельный ял с плечистыми гребцами в тельняшках с ходу, подняв весла, налетел на фрегат, сцепился бортами — на носу и корме матросы удерживали фрегат баграми.

— Полундра! — заорал Олег. — Все наверх! Отбить абордаж! — И мальчишки выскочили на палубу.

С кормы яла к Олегу обратился офицер в расстегнутой синей рубашке:

— Мы с атомного крейсера «Петр Великий». У тебя есть матрос с петушком Гена Бобраков?

Гена продолжал держать руль:

— Я — вот он. В чем проблема?

— Командир крейсера Иван Иванович приглашает тебя с петушком на праздничный обед.

— Чем обязан? — удивился Гена.

— Подробности на месте.

Глеб не утерпел:

— А если мы вдвоем пойдем, ваш камбуз выдержит такой расклад?

Офицер, прищурившись, изучал лицо Глеба:

— Ты помощник детектива Грая и вез на крейсер взрывчатку... Приглашаем в гости и тебя.

— Сразу двое уходите, — заволновался Олег.

Глеб посмотрел на Игоря:

— У тебя появился новый член экипажа. Похоже — постоянный. Поможет тебе с парусами справиться. Мне все равно пора собираться. Праздник окончился.

Олег пожал протянутую руку:

— Попутного ветра.

Гена с петушком и Глеб перебрались в ял. Матросы оттолкнулись баграми от фрегата, весла легли на воду. Ял, пеня воду, ходко пошел к судоремонтному заводу. Не прошло и получаса, как ткнулся носом в берег. Подростков привели в сухой док. Глеб посмотрел наверх, и голова немного закружилась от огромной высоты — атомный крейсер стоял на распорках из толстых бревен и был похож на высотный дом — мачты задевали облака. Гена был потрясен не меньше. По наружной железной лестнице, марш за маршем, ребята поднимались на палубу. Наверху Глеб отдышался и с опаской подошел к краю палубы, глянул через леера — вниз смотреть было страшно.

— Иди и ты взгляни, — позвал Гену.

— Не хочу — у петушка может голова закружиться. Ведь он еще ни разу не подымался на такую высоту.

Офицер отвел ребят в кают-компанию, большой зал со столами и креслами, привинченными к палубе. Из термосов, принесенных из соседней столовой, кок дал ребятам рис с мясом. Петушка поставил на стол как гостя. Кок положил в блюдечко ему самый лучший кусок мяса, мелко нарезанный, смущенно оправдываясь:

— Ему, извините, надо сил набраться. — Рядом поставил чашку с водой.

Ребята не поняли, на что намекал кок, но им

стало тревожно. Вокруг что-то происходило, их неспроста позвали на крейсер и угощают как важных персон. При этом кок и офицер критически поглядывали на петушка, как бы оценивая его. Во взглядах проглядывало сомнение. Вокруг ребят сгушалась тревога. Даже петушок ее почувствовал, со стола скакнул на плечо хозяина и сел как влитой.

После обеда ребятам дали отдохнуть в креслах четверть часа. Офицер снова явился к ним, позвал:

— Пора, вас уже ждут.

— Кто ждет?

Офицер молча зашагал, ребята двинулись следом. На верхней палубе увидели матросов. В центре, окруженном мелкой железной решеткой, стояла накрытая широкой доской бочка. Офицер отодвинул край сетки, ввел в круг Гену. Открыл бочку и показал на дно. Там сидела огромная корабельная крыса. Любого человека она своим устрашающим видом приводила в смятение — у нее было две головы! Сидение в бочке явно не улучшило ее характер. Гена немало повидал их на пирсе, но такой огромной и страшной еще не встречал. Ему стало не по себе.

— Это король крыс, — объяснил офицер.

Эту страшилую прозвали Нечистой силой и ловили целый месяц. Сколько эта нечисть вреда принесла — не сосчитать, жрала провода в электронных приборах, как макароны. Судового кота загрызла. По интеллектуальным показателям обычная крыса стоит на четвертом месте после человека. Эта еще умнее. Убить ее просто так — нельзя.

Всем известно: крик петуха в полночь прогоняет нечистую силу. У моряков есть своя легенда, древняя, оставшаяся с тех времен, когда не было холодильников и моряки брали с собой в походы домашнюю живность — коров, овец, кур... На каждом корабле был крысиный король — самая сильная, хитрая тварь, которая не боялась вступить в схватку с человеком. Изловить короля необычайно трудно. И избавиться, даже если кому посчастливится поймать, сложно. Кто-то из приближенных короля немедленно займет дьявольский трон.

Нужен петух! Его тоже возили моряки вместе со скотом. Пусть самый обычный, неказистый,

но – петух! Если нет своего, можно принести со стороны, но обязательно чтобы он на корабле пищу принял, попил водички и трижды прокукарекал, объявляя, что берет корабль под защиту от нечистой силы.

И этот петух должен при свете дня, до заката солнца, сразиться с крысиным королем. И если у него хватит мужества и силы победить короля крыс, вся нечистая сила в страхе отступит перед петушиным пением.

– Легенда, сам понимаешь, Гена, всего лишь легенда, – оправдывался офицер. – Но моряки – народ суеверный. Даже если ходят на атомном крейсере – все равно верят в приметы. В Кронштадте нет другого петуха, который жил на корабле, только твой, Гена. Мы хотим, чтобы он сразился с крысиным королем и расправился с ним. Конечно, это неожиданно для тебя и петушка. Но ведь мы живем, дружок, в военной морской базе и постоянно должны быть готовы к бою, это наше ремесло. Ну что, не подведете?

Гена растерянно развел руками:

– Петушок не раз дрался с крысами на берегу, верно, но он не охотничья собака... Он способен защищать лишь меня и свой дом.

– Каждый военный корабль, – отвечал офицер, – по уставу и практически кусочек твоей земли, твой дом. Расскажи об этом петушку. Кстати, ты не хотел бы остаться у нас юнгой? Тогда крейсер станет тебе настоящим домом.

Офицер вышел за круг, обозначенный сеткой, оставил Гену с петушком на плече и крысой в бочке. Крыса сидела неподвижно и наблюдала за ними злым взглядом.

Гена показал ее петушку:

– Петя, ты сможешь одолеть эту уродину?

Но петушок не хотел смотреть вниз. Он впервые оказался на такой высоте. Под облаками, через макушки деревьев хорошо видел россыпь домов на берегу залива – город Ломоносов. Это его жителей он каждое утро будил своим пением. Петя гордо выпрямился, захлопал крыльями, во весь голос закричал:

– Ку-ка-ре-ку-у-у!..

Далеко окрест разнеслось громкое, радостное пение, полетело по воде. Наклонив голову, Петя чутко прислушался, услышав отзыв береговых певцов, снова радостно запел:

– Ку-ка-ре-ку-у-у-у!..

Гена толкнул бочку так, что та покатила и крыса выскочила из нее.

– Бей ее, Петр Петрович! – Гена стряхнул петушка с плеча на палубу.

Крыса осмотрела сетку, людей за ней и поняла – уйти ей не дадут. Прямо перед ней на двух лапах передвигалось неизвестное животное с острым клювом. Наибольшая угроза исходила именно от него. Крыса ничуть не испугалась, примерилась, быстро побежала на петушка, прыгнула, широко раскрыв зубастые пасти... Петя привык драться на земле, где цепко держался за землю и передвигался уверенно. На ровной стальной палубе, покрытой гладкой краской, он поскользнулся. От одной головы уклонился, вторая вцепилась в горло.

Глухой стон пронесся по рядам зрителей.

– Готов петух...

– Не паникуй, еще на ногах!

Петух взвился, запрыгал, пытаясь стряхнуть крысу.

Гена видел: Петя успел подставить ей воротничок из перьев, и она ухватила только за кожу. Зубы у нее острые, как иголки. Она не может резать ими, как ножницами, хотя укус ее болезненный.

Петух мотался, махал крыльями, затем высоко подпрыгнул, с двух сторон ударил крысу шпорами, оторвал от себя и отбежал. Из шеи петушка закапала на палубу военного корабля кровь.

Глаза раненой крысы горели злобой. Она не стала терять времени, разбежалась и снова прыгнула на петушка. Петух подпрыгнул, встретил ее ударами шпор и клюва, отбросил в сторону. Но и сам стал, расставив ноги и пошатываясь.

Крыса была сильна. Злоба давала ей силу. А из прокушенного горла петушка все сильнее капала кровь, сила его таяла. Крыса решила выждать, чтобы противник истек кровью. Глаза петушка на секунду закрылись, и он едва не упал. Петушок понял, что слабеет, и сам бросился на врага. Он схватил крысу сверху двумя лапами – так орел душит свою жертву, закалывая ее острыми когтями. Но нет кривых, острых когтей у петушка. Отчаянно хлопая крыльями, петушок взмыл над морями, долетел до края палубы и разжал лапы. Крыса с писком полетела вниз, в бездну, и, упав на цементный пол до-

ка, перестала существовать. Кто научил петушка такому маневру — неизвестно.

Вздых облегчения прокатился по рядам зрителей — Нечистая сила, о которой было столько разговоров, побеждена самым настоящим деревенским петушком. Ура! Победа!

Из последних сил, отчаянно махая крыльями, петушок пытался вернуться на палубу. Ему уже и руки протягивали — подхватить, поддержать! Но внезапный порыв ветра отбросил петушка от корабля, и он, перевернувшись через голову, стал пикировать вниз.

— Петенька! — заголосил Гена, пробиваясь сквозь толпу к трапу. Следом за Геной побегал вниз судовой врач, который стоял в сторонке с небольшим саквояжем. Гену и доктора матросы пропустили безропотно и ринулись следом вниз, так что лестница шаталась и трещала от множества ног.

Глеб тоже хотел помчаться вниз, но его остановил вахтенный:

— Тебя просит подняться в рубку командир.

— Какой командир?

— У нас на крейсере один командир, Иван Иванович, запомни.

В рубке крейсера Глеб удивился — как много самых разных приборов! Молодой, быстроглазый, с умным и строгим взглядом, капитан первого ранга пристально взглянул на Глеба.

— Это вы, Глеб, вместе с мичманом Никольским везли нам из штаба пакет от Орлова?

Глеб зарделся от неожиданного вопроса:

— Да.

— Как вы догадались, что в пакете взрывчатка? Вы же не видели пакет, и на ощупь он не должен отличаться от обычного? Услышали звук таймера?

— Нет, пакет находился в сейфе, из-за шума мотора ничего услышать не удалось. Орлов один раз уже пытался устроить нам с детективом Граем ловушку, потратил на нее сто граммов тротила, при этом разворотил машину и ангар... Потом Грай сообщил мне, что браконьеры кому-то достали сразу три килограмма тротила. Да еще — Никольский удивился, что получил тяжеленный пакет, не меньше трех килограммов. Тут любой бы догадался.

— Не скромничайте, юноша, — улыбнулся капитан. И подал небольшую коробочку. — Вот

вам на память мой собственный, корабельный хронометр. Он обошел со мной дважды вокруг земного шара и ни разу не подвел.

Офицер, который привез ребят, продолжил разговор с капитаном:

— Смотрите, Иван Иванович, стоило этому бездомному мальчишке с полуголодным петушком появиться на палубе, как экипаж миготом отреагировал, изменился, стал сплоченнее, заиграл мышцами. Вы почувствовали? У нас появился ребенок, и все стали сильнее, сработал отцовский инстинкт. Ребенка ведь надо опекать, защищать. Этот крейсер, размеры которого пугают непривычного человека, вдруг превратился в обыкновенный дом. Матросы просят оставить мальчика, пусть станет сыном крейсера «Петр Великий».

— Что мы знаем о мальчишке? — резко спросил командир.

— Отец и мать погибли при загадочных обстоятельствах. Парнишка об этом ничего не помнит. Кто-то доставил его с берега в Кронштадт. Гена поселился на катере. Вставал в пять утра, обходил город, искал еду. Еще — взял на содержание чужую старуху, выгнанную сыном из дома. Я звонил в отделение милиции, там сообщили, что Гена в кражах не замешан, наркотики не употребляет.

Командир повернулся к Глебу, посмотрел в глаза:

— Вы, детективы, должны разбираться в людях. Что скажешь о своем приятеле Гене Бобракове?

Глеб не раздумывал:

— Гена лучше, чем я думал. Он лучше, чем вы можете предположить по его жалкому виду. Если надо драться — он может, как его петушок...

Иван Иванович не позволил себе улыбнуться, хотя глаза показали — доволен ответом. Повернулся к своему старшему офицеру:

— Ну, старпом, оставляю мальчика на корабле, на твою ответственность. Профессий у нас сотни, пусть сам выбирает, кем захочет стать.

— Спасибо, командир, — обрадовался старпом. — Пойду обрадую ребят.

— Заодно узнайте, что с петушком? Он славно бился. Первое наше сражение на корабле выиграно. Это хорошая примета.

Вместе со старпомом Глеб спустился вниз.

Петушок лежал на бетонном полу, закрыв глаза, Гена осторожно гладил его, всхлипывая. Доктор осторожно взял петушка в руки, ощупал:

– Кости целы, крылья целы. У петушка обморок от потери крови, страха и удара. Сейчас мы его...

Предусмотрительный доктор достал из саквояжа баночку с водой, раскрыв клюв и влил несколько капель. Петя проглотил воду и открыл глаза. Повел вокруг мутным взором, нечаянно взглянул вверх, откуда только что свалился, и опять упал в обморок.

– Не пугайся, – успокоил Гену доктор. – Осмотрим шею – кожа прокушена, мы ее зеленой специальной, как пластырем залепим, за три дня заживет.

Петух снова открыл глаза, попил водички из докторской баночки, пожаловался хозяину:

– Коо-ко-ко-о-о...

Старпом присел рядом на корточках:

– Гена, хочешь остаться у нас на крейсере юнгой?

Гена понял, что с ним не шутят, и ответил вопросом на вопрос:

– Бить будете?

Старпом с трудом проглотил неизвестно откуда взявшийся комок в горле.

– Вот чертова жизнь – мальчишки стали воен-

ных бояться... Если быстро научишься водить катер, вертолет, стрелять из пушки, пускать ракету, грамотно писать, решать задачи, играть в футбол, а особенно – грести ложкой с тарелки – клянусь, тебя пальцем никто не тронет.

– А...

– Петру Петровичу твоему соорудим клетку, поставим на корме, пусть вахтенного веселит, помогает службу нести.

Гена мечтательно улыбнулся:

– Вот бабушка Поля, что работает в газетном киоске и дает мне морскую газету, за меня обрадуется... Хотя вы не возьмете – одежды никакой нет, вот, что с помойки насобирал, все на мне...

– Забудь про помойку. Станешь российским моряком, pošьем тебе форменку, станешь красивый, как адмирал...

Глеб стоял рядом, улыбался самой дурацкой улыбкой, радовался за приятеля. Обнял, поцеловал на прощание, шепнул хриплым голосом:

– Флаг и гюйс поднять! Отдать швартовы!..
Руль прямо...

□

Александр Петрович ГОСТОМЫСЛОВ

родился в 1940 г. в Ленинграде.

Окончил факультет журналистики

Ленинградского государственного университета.

Около двадцати лет работал в редакции журнала «Костёр».

Автор четырнадцати книг прозы.

Пишет документальные и приключенческие произведения, детективы.

Первая книга «Карта кладовискателей» вышла в 1984 г.

Член Союза журналистов и Союза писателей России.

